

Сплетая рассвет

Автор:

Элизабет Лим

Сплетая рассвет

Элизабет Лим

Young Adult. Китайское магическое фэнтези Кровь звезд #1

Невероятное, роскошное фэнтези, в которое влюбятся все поклонники Сары Маас и Рене Ахди! Майя всегда мечтала стать величайшим портным. Но все, на что могла надеяться девушка, так это удачно выйти замуж. Но Майя не готова отступить. Чтобы занять место императорского портного, она готова поспорить даже с богиней и сшить три платья: из смеха солнца, слез луны и крови звезд. Но это невозможно без помощи того, кто владеет сильнейшей магией. Готова ли Майя сделать выбор между своим предназначением и человеком, которого ей оказалось суждено полюбить? Древние легенды оживают на глазах девушки, приближая ее к цели и одновременно разбивая сердце. Потому что заветная мечта Майи стала ее самым большим проклятием...

Элизабет Лим

Сплетая рассвет

Адриану,

который изменил мою жизнь

в лучшую сторону

Elizabeth Lim

Spin the Dawn

Text copyright © 2019 by Elizabeth Lim

Jacket art copyright © 2019 by Tran Nguyen

Map copyright © 2019 by Virginia Allyn

This translation is published by arrangement

with Random House Children's Books,

a division of Penguin Random House LLC

© Харченко А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Попросите меня сплести лучшую пряжу или нить, и я справлюсь быстрее любого – даже с закрытыми глазами. Но вот когда нужно плести ложь, я начинаю запинаться и мямлить.

Никогда не умела выдумывать сказки.

Мой брат Кетон знает это, как никто другой. И хотя, пока я рассказываю – о трех невозможных заданиях, которые мне поручили; о демонах и призраках, встреченных мною в пути; о чарах, наложенных на нашего императора, – его

брови пару раз ползут вверх, брат мне верит.

А вот отец нет. Он видит насквозь тени, за которыми я прячусь. Видит, что за улыбкой, которой я одаряю Кетона, скрываются покрасневшие глаза. Припухшие от долгих часов, а то и дней рыданий. Чего он не видит, так это того, что, несмотря на подсыхающие на щеках слезы, в моем сердце – сталь.

Мне страшно подходить к завершению рассказа, ведь там полно узлов, которые я так и не набралась храбрости отрезать. Вдалеке слышен бой барабанов. Они приближаются с каждой секундой – волнительное напоминание о том, как мало времени у меня осталось, чтобы сделать выбор.

Если вернусь, то оставлю себя позади. Я больше никогда не встречу семью, никогда не увижу свое лицо в зеркале, никогда не услышу свое имя.

Но я пожертвовала бы солнцем, луной и звездами, лишь бы спасти его. Безымянного юношу, у которого, однако, тысяча имен. Юношу, чьи руки запятнаны кровью звезд.

Юношу, которого я люблю.

Часть первая

Испытание

Глава 1

Однажды у меня было три брата.

Финлей был старшим и самым смелым. Ничто его не пугало: ни пауки, ни иглы, ни угроза порки отцовской тростью. Он был самым быстрым из нашей четверки – настолько, что мог поймать муху большим пальцем и наперстком. Но вдобавок к

его бесстрашию шла жажда приключений. Ему претило работать в нашей лавочке, тратить драгоценное дневное время на пошив платьев и штопанье рубашек. Брат небрежно обращался с иглой, из-за чего его исколотые пальцы постоянно были обвязаны бинтом, а труд – испорчен неровными швами. Швами, которые я распарывала и накладывала заново, чтобы спасти его от папиных нотаций.

Финлею не хватало терпения, чтобы стать портным, как отец.

Сэндо хватало терпения, но не для шитья. Мой второй брат был поэтом в нашей семье, и единственное, что он любил сплетать, – это слова, особенно о море. Сэндо с такими изысканными подробностями описывал прекрасные платья, которые шил отец, что их желали купить все дамы в городе, но лишь обнаруживали, что этих платьев не существует.

В качестве наказания отец заставлял его сидеть на пирсе за нашей лавочкой и распутывать нити из коконов шелкопрядов. Я частенько прокрадывалась к нему, чтобы послушать рассказы о том, что находилось по другую сторону этого бесконечного водного горизонта.

– Какого цвета океан? – спрашивал меня Сэндо.

– Синего, глупенький. Какого же еще?

– Как ты станешь лучшей портнихой в Аланди, если не разбираешься в цветах? – Сэндо покачал головой и показал на воду. – Посмотри еще раз. Всмотрись в глубину.

– Сапфирового, – ответила я, разглядывая небольшие океанские гребни и впадинки. Вода искрилась. – Сапфирового, как камни, которые леди Тайнак носит на шее. Но есть и намек на зеленый... нефритовый. А пена на волнах напоминает жемчуг.

Брат улыбнулся.

– Уже лучше. – Он обнял меня рукой за плечи и крепко прижал к себе. – Однажды мы с тобой будем бороздить моря, и ты увидишь все оттенки синего в мире.

Благодаря Сэндо синий стал моим любимым цветом. Он разбавлял белизну моих стен, когда я открывала окно поутру и видела море, сверкающее на солнце. Сапфировое или лазурное. Бирюзовое или индиговое. Сэндо натренировал мои глаза различать разные оттенки одного цвета, одинаково ценить и блекло-коричневый, и ярко-розовый тона. То, как свет мог преломлять что-то на тысячу возможностей.

Сердце Сэндо принадлежало морю, а не ткачеству, как сердце отца.

Кетон был моим третьим братом и самым близким ко мне по возрасту. Его песни и шутки всегда порождали смех, независимо от настроения. Он вечно попадал в неприятности за то, что красил наши шелка в зеленый вместо фиолетового, беспечно наступал грязными сандалиями на недавно выглаженные платья, забывал полить шелковицу и никогда не пряд пряжу достаточно аккуратно, чтобы отец мог связать из нее свитер. Деньги утекали сквозь его пальцы как вода. Но папа любил его больше всех – даже невзирая на то, что Кетону не хватало дисциплины, чтобы стать портным.

А еще была я – Майя. Послушная дочь. Мои самые ранние воспоминания были о том, как я, довольная, сидела на коленях у матери, работающей с веретеном, и слушала, как Финлей, Сэндо и Кетон играли на улице, пока отец учил меня сматывать мамину нить, чтобы та не спуталась.

Мое сердце принадлежало ткачеству: я научилась продевать нить в иглу раньше, чем ходить; научилась делать идеальные стежки раньше, чем говорить. Я любила рукоделие и с радостью перенимала папино мастерство, вместо того чтобы гулять с братьями. К тому же, когда Финлей учил меня спаррингу и стрелять из лука, я всегда промахивалась мимо цели. Несмотря на то что я впитывала, как губка, все сказки Сэндо о призраках, рассказывать их самой у меня не получалось. И сколько бы старшие братья ни предупреждали меня о них, я всегда велась на розыгрыши Кетона.

Отец гордо заявлял, что я родилась с иглой в одной руке и ножницами в другой. Что не будь я девочкой, то стала бы величайшим портным в Аланди, к которому съезжались бы торговцы со всех побережий континента.

«Ценность портного измеряется не его славой, а счастьем, которое он приносит, – сказала мама, заметив, как разочаровали меня папины слова. – Ты

скрепишь швы нашей семьи, Майя. Ни один другой портной в мире на это не способен».

Я помню, как радостно улыбалась ей. В то время все, чего мне хотелось, – это чтобы наша семья была счастливой и полной – всегда.

Но затем мама умерла, и все изменилось.

Мы жили в Гансуне, одном из крупных городов вдоль Большой Пряной Дороги, и наша лавочка занимала целых полквартала. Отец был уважаемым портным, прославившимся на юге Аланди своим мастерством. Но нас настигло тяжелое время, смерть матери сломала твердую волю отца.

Он начал много пить – топил свое горе. Долго это не продлилось – из-за стресса его здоровье стремительно ухудшалось, и вскоре желудок перестал переносить алкоголь в любом виде. Отец вернулся к работе в лавке, но уже никогда не был прежним.

Клиенты заметили снижение качества его шитья и упомянули об этом моим братьям. Финлей и Сэндо ничего ему не сказали – не хватило духу. Но за несколько лет до Пятизимней войны, когда мне было десять, Финлей убедил отца покинуть Гансунь и переехать в магазин в Порт-Кэмалане, небольшом прибрежном городке на окраине Дороги. Свежий морской воздух пойдет ему на пользу, настаивал он.

Наш новый дом находился на углу улиц Йянамэр и Тонса, напротив магазина по продаже лапши, приготовленной вручную, – она была настолько длинной, что можно было наесться одной штучкой, – а также пекарни, которая продавала лучшие в мире булочки на пару и хлеб на молоке. По крайней мере, так казалось нам с братьями, когда мы были голодны, что случалось довольно часто. Но больше всего мне нравился прекрасный вид на океан. Порой, глядя на накатывающие вдоль пирсов волны, я молилась, чтобы море исцелило разбитое сердце отца – так, как постепенно залечивало мое.

Лучшее время для нашего ремесла наступало зимой и летом, когда все караваны, путешествующие на восток и запад по Большой Пряной Дороге, останавливались в Порт-Кэмалане, чтобы насладиться умеренным климатом. Отцовская лавочка зависела от постоянных поставок индигового, шафранового и

охристого цветов – красок для ткани. Городок был маленьким, так что нам приходилось не только шить наряды, но и продавать ткани и нити. Прошло много времени с тех пор, как отец шил платье, достойные знатной леди, а когда началась война, торговля совсем пошла на спад.

Несчастье последовало за нами в новый дом. Порт-Кэмалан находился достаточно далеко от столицы, и я надеялась, что моих братьев не призвуют сражаться в гражданской войне, разорившей Аланди. Но вражда между юным императором Ханюцзинем и шаньсэнем, самым могущественным военачальником страны, не давала никаких намеков на ослабление, и император нуждался в людях для своей армии.

Финлею и Сэндо уже исполнилось восемнадцать, поэтому их призвали первыми. Я была достаточно юной, чтобы мысль о сражении в войне казалась мне даже романтической, а то, что два брата стали солдатами, – благородным.

Накануне их ухода я стояла на улице и красила моток белого хлопка. От цветущего персика, растущего вдоль улицы Йянамэр, захотелось чихнуть, и я невольно забрызгала свою юбку остатками дорогой индиговой краски.

Финлей рассмеялся и вытер капли с моего носа.

– Не суетись, – сказал он, пока я отчаянно пыталась спасти столько краски, сколько могла.

– Она стоит восемьдесят цзений за тридцать миллилитров! И кто знает, когда вернутся торговцы краской? – пробормотала я, по-прежнему оттирая брызги с юбки. – Уже слишком жарко, чтобы они пересекали Дорогу.

– Тогда я куплю ее во время своих путешествий, – сказал Финлей. Затем приподнял меня за подбородок. – Став солдатом, я смогу посмотреть всю Аланди. Может, даже вернусь генералом.

– Надеюсь, что ты не будешь отсутствовать так долго! – воскликнула я.

Его лицо стало серьезным, глаза помрачнели. Он заправил мне за ухо выбившуюся от ветра прядь.

– Береги себя, сестренка, – сказал Финлей одновременно с улыбкой и грустью. – Не переусердствуй в работе, иначе...

– Стану воздушным змеем, который никогда не летает, – закончила я за него. – Знаю.

Брат коснулся моей щеки.

– Присмотри за Кетоном. Позаботься о том, чтобы он не вляпался в неприятности.

– И за папой тоже, – добавил Сэндо, подходя ко мне сзади. Затем сорвал цветок с дерева перед нашей лавочкой и заткнул его мне за ухо. – И поработай над каллиграфией. Я скоро вернусь и проверю, насколько усовершенствовался твой почерк. – Он взъерошил мне волосы. – Теперь ты – хозяйка дома.

Я покорно склонила голову.

– Да, братья.

– Вы так говорите, будто я вообще бесполезный, – вмешался Кетон. Папа крикнул, чтобы он закончил работу по хозяйству, и юноша скривился.

Серьезное лицо Финлея расплылось в улыбке.

– Можешь доказать обратное?

Кетон упер руки в бока, и все рассмеялись.

– Мы будем путешествовать с армией по дальним уголкам страны, – сказал Сэндо, взяв меня за плечо. – Что тебе привезти? Может, краски с Западного Гансуня? Или жемчуг с Величественной Гавани?

– Нет-нет, – быстро ответила я. – Просто возвращайтесь домой живыми и здоровыми. Вы оба.

Но затем я помедлила.

– Что, Майя? – поторопил меня Сэндо.

Мои щеки залились румянцем, и я опустила взгляд на свои руки.

– Если увидите императора Ханюцзиня, – медленно начала я, – нарисуйте его портрет, ладно?

Плечи Финлея затряслись от смеха.

– Значит, ты слышала о его красоте от деревенских девушек? Каждая из них мечтает стать одной из императорских наложниц.

Мне было так стыдно, что я не могла смотреть ему в глаза.

– Меня не интересует роль наложницы.

– Не хочешь жить в одном из его четырех дворцов? – ехидно любопытствовал Кетон. – Я слышал, у него есть по одному на каждую пору года.

– Кетон, хватит, – упрекнул его Сэндо.

– Чихать я хотела на дворцы, – ответила я, отворачиваясь от младшего из братьев к Сэндо. Его глаза лучились нежностью – он всегда был моим любимчиком и наверняка поймет. – Я хочу знать, как он выглядит, чтобы однажды стать его портнихой. Императорской портнихой.

Кетон закатил глаза.

– Это так же вероятно, как то, что ты станешь его наложницей!

Финлей с Сэндо кинули на него испепеляющий взгляд.

– Хорошо, – пообещал Сэндо, коснувшись веснушек на моей щеке. Мы единственные в семье, у кого они были – следствие долгих часов,

проведенных в мечтах под солнцем. – Портрет императора для моей талантливой сестры Майи.

Я обняла его, прекрасно понимая, что просьба глупая, но все равно надеюсь.

Если бы я знала, что это наша последняя встреча, то ничего бы не просила.

...

Спустя два года отцу пришло извещение, что Финлей погиб в бою. Имперская печать в конце письма была алой, как свежепролитая кровь, и ее явно наносили в спешке, поскольку имя императора Ханюцзиня смазалось. Даже по прошествии многих месяцев воспоминание о нем вызывало у меня слезы.

Затем, одной ночью, без всякого предупреждения, Кетон сбежал, чтобы присоединиться к армии. Все, что он оставил, – это наспех написанную записку, брошенную на вещах для утренней стирки – зная, что туда я посмотрю первым делом, как проснусь.

Я слишком долго бездельничал. Я найду Сэндо и верну его домой. Позаботься об отце.

Мои глаза наполнились слезами, и я смяла записку в кулаке.

Что он знал о сражениях? Как и я, Кетон был худым, подобно тростинке, и ему едва хватало сил, чтобы выстоять против ветра. Он не мог купить рис на рынке, чтобы его не облапошили, и всегда пытался увильнуть от драки. Как он переживет войну?

А еще я злилась, потому что не могла пойти с ним. Если Кетон считал себя бесполезным, то что можно было сказать обо мне? Я не могла сражаться в армии. И сколько бы тысяч часов я ни просидела за созданием новых стежков и рисуя узоры для продажи, мне никогда не стать мастером-портным. Никогда не управлять папиной лавочкой. Я девушка. Лучшее, на что я могла надеяться, – это удачно выйти замуж.

Отец ни разу не упоминал о побеге Кетона и месяцами отказывался говорить о моем младшем брате. Но я заметила, что его пальцы стали деревянными; он даже ножницы не мог держать. Свои дни он проводил за тем, что смотрел на океан, так что мне пришлось взять руководство над нашей хлипкой лавочкой на себя. Теперь ведение торговли и забота о том, чтобы братьям было куда возвращаться, легли на мои плечи.

Люди не нуждались в шелке и атласе – не тогда, когда наша страна поглощала себя изнутри. Поэтому я шила рубашки из конопляной ткани для местных рыбаков и льняные платья для их жен, а еще пряла из льна нити и штопала кители солдат, когда они проходили через наш городок. Рыбаки платили за мой труд рыбьими головами и мешками с рисом, а взимать плату с солдат казалось неправильным.

В конце каждого месяца я помогала женщинам, готовившим свои дары для усопших – обычно бумажную одежду, которую довольно трудно шить, – чтобы сжечь их в храмах в знак уважения предкам. Вшивала бумагу в обувь проезжавших мимо торговцев и нити с монетами в их пояса, чтобы защитить от карманников. Даже чинила амулеты странников, хоть и не верила в магию. В то время.

В дни, когда работы не было, а наши запасы пшеницы и риса находились на опасно низком уровне, я брала корзину из ротанга и клала в нее несколько клубков ниток, рулон миткаля и иголку, после чего бродила по улицам, ходя от двери к двери, и спрашивала, не нужно ли кому-нибудь что-нибудь заштопать.

Но в порту пришвартовывалось мало судов. По пустым улицам летала пыль и тени.

Нехватка работы беспокоила меня куда меньше, чем неловкие встречи, которые начали происходить на обратном пути домой. Раньше я любила ходить в пекарню, находившуюся напротив нашей лавочки, но с началом войны это изменилось. Теперь, когда я возвращалась на улицу Йянамэр, там меня ждал Цалу, сын пекаря.

Цалу мне не нравился. Не потому, что не служил в армии – он не мог, так как не прошел имперский медицинский осмотр. А потому, что, как только мне исполнилось шестнадцать, он вбил себе в голову, что я стану его женой.

- Ненавижу, когда ты клянчишь работу, - сказал он мне однажды.

Цалу жестом пригласил меня пройти в пекарню его отца. Даже на улице пахло хлебом и тортами, и у меня потекли слюнки от запаха дрожжей, ферментированной рисовой муки, жареного арахиса и кунжутных семечек.

- Это лучше, чем умереть от голода.

Цалу вытер с рук тесто из красной фасоли. Пот с его висков капал в миску на столе. В любой другой ситуации я бы сморщила нос от такого зрелища - если бы его отец увидел, как он небрежен, то сделал бы ему выговор, - но мой голод был слишком велик, чтобы обращать на это внимание.

- Если выйдешь за меня, то никогда не будешь голодать.

Мне было не по себе от его прямолинейности, а мысли о том, как Цалу будет ко мне прикасаться, как я выношу его детей, как мои пальцы покроются пылью, а одежда станет липкой от сахара, вселяли ужас. Я еле сдержалась, чтобы не передернуться.

- У тебя с отцом всегда будет полно еды, - не унимался Цалу, облизнув губы. Затем улыбнулся - его зубы были желтоватыми, как масло. - Я знаю, как сильно ты любишь папину слоеную выпечку, паровые булочки из теста из цветков лотоса и кокосовые плюшки.

У меня заурчало в животе, но я никогда не позволю голоду заглушить голос сердца.

- Пожалуйста, хватит об этом спрашивать. Мое решение не изменится.

Цалу разозлился.

- Что, слишком хороша для меня?

- Мне нужно управлять папиной лавкой, - ответила я, стараясь не задеть его чувства. - Он нуждается во мне.

– Девушка не может управлять лавкой, – сказал он, открывая паровую корзинку, чтобы достать последнюю партию булочек. Обычно Цалу давал несколько мне и папе, но я знала, что сегодня этого не произойдет. – Может, ты и хорошая швея – лучшая в деревне, – но поскольку твои братья сейчас сражаются за императора, не пора ли взяться за ум? Остепениться. – Юноша потянулся за моей рукой. Его пальцы были влажными и испачканными в муке. – Подумай о здоровье отца, Майя. Ты ведешь себя как эгоистка. Ты могла бы обеспечить ему лучшую жизнь.

Я обиженно отпрянула.

– Мой отец никогда не бросит свою лавочку.

Цалу фыркнул.

– Куда он денется. А ты же не можешь заниматься всем в одиночку! Ты похудела, Майя. Не думай, что я не заметил, – процедил он, мой отказ явно его обозлил. – Поцелуй меня, и я подкину тебе булочку.

Я вскинула подбородок.

– Я не собака.

– О, теперь мы слишком гордые, чтобы клянчить, да? Ты позволишь своему отцу умереть от голода, потому что такая высокомерная...

Больше я это терпеть была не намерена. Я вылетела из пекарни и быстро пересекла улицу. Когда захлопнула за собой дверь в отцовскую лавочку, у меня заурчало в животе. Самое обидное было то, что я знала, что веду себя эгоистично. Мне стоило бы выйти за Цалу. Но я хотела спасти свою семью сама, как пророчила мама.

Я сползла вниз по двери. Что, если это не в моих силах?

В таком состоянии и обнаружил меня отец, пока я тихо плакала.

– Что случилось, Майя?

Я вытерла слезы и встала.

- Ничего, папа.

- Цалу снова предлагал тебе выйти за него замуж?

- Заказов нет, - ответила я, уклоняясь от вопроса. - Мы...

- Цалу хороший парень, - перебил он, - но не более - просто парень. И он тебя не заслуживает. - Отец замешкался у моих пялец, изучая вышитого мной дракона. Работать с хлопком было труднее, чем с шелком, но я пыталась запечатлеть каждую деталь: чешуйчатую, как у карпа, кожу, острые когти и глаза демона. Папа явно был впечатлен. - Ты предназначена для большего, Майя.

Я отвернулась.

- Как это возможно? Я же не мужчина.

- Будь ты им, тебя послали бы на войну. Боги тебя защищают.

Я ему не верила, но ради его блага кивнула и вытерла слезы.

За пару недель до моего восемнадцатого дня рождения пришли хорошие новости: император объявил о перемирии с шаньсэнем. Пятизимняя война закончилась - по крайней мере, пока.

Но наша радость быстро сменилась скорбью, поскольку прибыло еще одно известие. С кровавой печатью.

Сэндо умер во время сражений в горах - всего за два дня до перемирия.

Новость будто заново сломила отца. Он всю ночь сидел на коленях перед алтарем, прижимая к себе туфельки, которые мама изготовила для Финлея и Сэндо, когда они были детьми. Я не присоединилась к его молитвам. Меня переполняла злость. Если бы только боги присмотрели за Сэндо еще пару дней!

Всего два дня.

– По крайней мере, война не забрала всех моих сыновей, – тяжело произнес отец, похлопывая меня по плечу. – Мы должны крепиться ради Кетона.

Да, оставался Кетон. Мой младший брат вернулся домой спустя месяц после объявления о перемирии. Он приехал на повозке, со скрипом катящейся по дороге, вытянув перед собой свои длинные ноги. Его коротко остригли, и он так исхудал, что я едва его узнала. Но больше всего меня поразили призраки в его глазах – тех же глазах, которые однажды искрились от шуток и озорства.

– Кетон! – воскликнула я.

А затем побежала в его распростертые объятия, по щекам катились слезы счастья. Но радость быстро улетучилась, когда я поняла, почему он лежал, прислонившись спиной к мешкам с рисом и мукой.

В горле набухло горе. Мой брат не мог ходить.

Я запрыгнула на повозку и крепко обхватила Кетона руками. Он обнял меня в ответ, но пустота в его глазах была очевидной. Война многого его лишила. Слишком многого. Я думала, что достаточно закалила свое сердце после смерти Финлея и Сэндо, чтобы оставаться сильной ради отца. Но часть меня пошла трещинами в день возвращения Кетона.

Я спряталась в своей комнате и сжалась у стенки. Шила, пока пальцы не начали кровоточить, а боль не поглотила всхлипы, сотрясающие все тело. Но к следующему утру я залатала себя. Мне нужно было заботиться об отце. А теперь и о Кетоне.

Прошло пять зим, и незаметно для себя я подросла. Стала такой же высокой, как Кетон, волосы – длинными и смоляными, как у мамы. Другие семьи с девушками моего возраста наняли свах, чтобы подобрать им мужей. Моя тоже бы так поступила, будь мама жива, а отец – по-прежнему успешным портным. Но эти дни остались в далеком прошлом.

Когда наступила весна, император объявил, что берет дочь шаньсэня, леди Сарнай, в жены. Самая кровавая война в истории Аланди закончится свадьбой императора Ханюцзиня и дочерью его врага. У нас с отцом не хватило духа, чтобы это отпраздновать.

Тем не менее новость была хорошей. Перемирие зависело от гармонии между императором и шаньсэнем. Я надеялась, что королевская свадьба устраним их междоусобицы и приведет к увеличению количества путников, странствующих по Большой Пряной Дороге.

В тот день я сделала самый большой заказ шелка, который могла себе позволить. Рискованная покупка, но я не теряла надежду – нам было необходимо, чтобы торговля пошла лучше до начала зимы.

Мечта о должности императорской портнихи поблекла до отдаленного воспоминания. Теперь нашим единственным источником дохода стали мои навыки с иглой. Я смирилась с мыслью, что до конца жизни останусь в Порт-Кэмалане, проведя ее в углу отцовской лавочки.

Но я ошибалась.

Глава 2

По небу парило лоскутное одеяло из густых серых туч, их стежки были так туго стянуты, что свет почти не просачивался. День выдался непривычно мрачным для начала лета, но дождь все не шел, так что я принялась за утреннюю работу.

Я взяла под мышку лестницу и понесла ее к шелковице, чтобы проверить каждое из деревьев, растущих в нашем маленьком садике. Длинные белые шелкопряды питались их листьями, но коконов сегодня не обнаружилось. Летом мои шелкопряды мало вили, так что я не сильно встревожилась из-за пустой корзинки.

В военное время цена на шелк сильно возросла, но наша лавочка производила его в недостаточном количестве для продажи, поэтому в основном мы шили из

льна и конопли. Благодаря работе с грубой тканью мои пальцы оставались ловкими, а творения – живыми. Но теперь, когда война закончилась, нам снова придется работать с шелком. Я надеялась, что заказ не заставит себя долго ждать.

– Папа! Я собираюсь на рынок. Тебе что-нибудь нужно?

Ответа не последовало. Скорее всего, он еще не проснулся. Со дня возвращения Кетона он засиживался допоздна, молясь у своего алтаря.

На нашем небольшом рынке было болеелюдно, чем обычно, и торговцы отказывались снижать цены. Домой я не торопилась, надеясь, что это поможет избежать встреч на обратном пути. Но, как я и боялась, Цалу меня поджидал.

– Давай помогу, – сказал он, потянувшись за моей корзинкой.

– Мне не нужна помощь.

Цалу схватил ручку и потащил на себя.

– Может, перестанешь быть такой упрямой, Майя?

– Осторожно! Ты ее перевернешь!

Как только он ослабил хватку, я выдернула корзинку из его рук и спешно направилась к нашей лавочке. Затем закрыла дверь и начала разгружать купленное: мотки льна и миткаля, небольшие блокноты для набросков, несколько апельсинов, кулек розовато-желтых персиков от соседней, глаза лосося (папины любимые), икра тунца и небольшой мешочек риса.

Я так увлеклась побегом от Цалу, что только сейчас заметила карету на противоположной стороне улицы – и мужчину, ждущего в лавочке.

Он был тучным и откидывал широкую тень; обычно я обращала на одежду людей куда больше внимания, чем на их лица. Мой взгляд прошелся по наряду, отмечая нехватку одной медной пуговицы среди ее родичей на ярко-синей шелковой куртке.

– Добрый день, сэр, – сказала я, выпрямляя плечи, но мужчина не спешил здороваться в ответ.

Он был слишком занят тем, что презрительно рассматривал лавочку. Мои щеки запылали от стыда.

На полу за прилавком валялась ткань, на сушилке криво висел моток хлопка, который еще нужно было раскрасить вручную. Мы уже много лет как отказались от посторонней помощи, а для найма уборщиков не хватало денег. Я перестала замечать паутину в углах и цветки персиковых деревьев, которые занесло ветром и разбросало по полу.

Наконец взгляд мужчины остановился на мне. Я убрала волосы с глаз и откинула косу за плечо, пытаюсь придать себе более презентабельный вид. Затем поклонилась, словно мои хорошие манеры могли компенсировать недостатки лавочки, и вновь поздоровалась:

– Доброго дня, сэр. Чем я могу вам помочь?

Незнакомец подошел к прилавку. На ленте его пояса раскачивался большой нефритовый кулон в форме веера. Заканчивался он гигантской алой кисточкой из переплетенных шелковых веревочек.

«Императорский чиновник». Но он не был одет в типичную серо-синюю тунику, которую носили большинство императорских слуг... нет, он евнух.

Что здесь делал один из евнухов его величества?

Я подняла взгляд, изучая его выпученные глаза и аккуратно подстриженную бороду, которая никоим образом не скрывала пренебрежительную ухмылку.

Мужчина задрал подбородок.

– Ты – дочь Калсана Тамарина.

Я кивнула. По моим вискам стекали капельки пота от прогулки по рынку, а запах купленных апельсинов вызывал урчание в животе. Громкое.

Евнух сморщил нос и сказал:

– Его императорское величество, император Ханюцзинь, требует присутствия твоего отца в Летнем дворце.

От удивления я уронила корзинку на пол.

– Мой... мой о-отец сочтет это за честь. Чего желает его императорское величество?

Чиновник прочистил горло.

– Ваша семья на протяжении многих поколений служила придворными портными. Мы нуждаемся в услугах твоего отца. Лорд Тайнак настоятельно его рекомендовал.

Мое сердце забилося быстрее, а шестеренки в голове закрутились, вспоминая платье, которое я сшила для леди Тайнак. О, точно, куртка и юбка из лучшего шелка, расписанные вручную журавлями и магнолиями. Зимой этот заказ был как манна небесная, и я тщательно распределила гонорар, чтобы мы могли прожить на него несколько недель.

Мне не нужны были подробности, чтобы знать, что эта работа спасет мою семью. Давно забытая мечта о пошиве нарядов для императора вновь всплыла на поверхность.

– Ах, платье леди Тайнак, – сказала я, прикусив язык прежде, чем призналась, что оно сшито мной, а не отцом. Просто не могла сдержать свою радость – и любопытство. – И какого рода услуги потребовались его величеству от моего отца?

Евнух нахмурился от моей дерзости.

– Где он?

– Сэр, моему отцу нездоровится, но я с радостью передам ему указания его величества...

– Тогда я поговорю с твоим братом.

Я решила пропустить мимо ушей его оскорбление.

– Мой брат только что вернулся с Пятизимней войны. Он отдыхает.

Мужчина упер руки в бока.

– Передай своему отцу, чтобы немедленно явился сюда, девочка, пока я не потерял терпение и не доложил, что он самым наглым образом проигнорировал императорское веление!

Я поджала губы и быстро поклонилась. Затем побежала за отцом. Как обычно, он преклонялся перед небольшой святыней рядом с кухонной плитой, держа в руках тонкие ароматические палочки. Отец поклонился каждой из трех разных деревянных фигурок богини-матери Аманы.

Мама разукрасила их, когда я была еще маленькой. Я помогала ей придумать фасон для божественных платьев Аманы: первое из солнца, второе из луны и третье из звезд. Эти статуэтки одни из немногих вещей, которые остались после ее смерти, и отец молился им каждый день и до глубокой ночи. Он никогда не говорил о маме, но я знала, что он ужасно скучает.

Мне не хотелось прерывать его молитву, но выбора не было.

– Отец, – окликнула я, коснувшись его тощих плечей. – Тебя хочет видеть императорский чиновник.

Я провела его в переднюю часть нашей лавочки – отец так ослаб, что приходилось поддерживать его рукой. Он отказывался пользоваться тростью, оправдываясь тем, что сломлены у него отнюдь не ноги.

– Мастер Тамарин, – сухо поздоровался евнух. Внешний вид отца его не впечатлил, и он этого не скрывал. – Его величество нуждается в услугах портного. Мне приказали доставить вас в Летний дворец.

Я потупила взгляд в пол, стараясь не закусывать губу. Отцу ни за что не преодолеть дорогу в Летний дворец, не в нынешнем состоянии. Начала переминаясь с ноги на ногу, уже зная, что он сейчас скажет...

– Я очень польщен вашим присутствием, но не могу поехать.

Евнух начал воротить нос, его лицо одновременно выражало неверие и презрение. Я прикусила губу, понимая, что не должна вмешиваться, но мое волнение росло. Мы нуждались в этой возможности.

– Я могу, – выпалила я в ту же секунду, как императорский чиновник открыл рот. – Я знаю отцовское ремесло. Платье леди Тайнак было сделано мной.

Отец повернулся ко мне.

– Майя!

– Я умею шить, – не унималась я. – Лучше, чем кто-либо другой, – сделала шаг к сушилке. На ней висели роскошно расшитые рулоны, над которыми я трудилась неделями и месяцами. – Просто взгляните на мою работу...

Папа предостерегающе покачал головой.

– Его императорское величество дал четкие указания, – ответил мужчина, шмыгнув носом. – Привезти мастера-портного из семьи Тамарин в Летний дворец. Девушка не может стать мастером.

Отец сжал кулаки. А затем произнес самым твердым голосом, который я слышала от него в последние месяцы:

– Кто вы такой, чтобы говорить мне, кто мастер моего ремесла?

Евнух надул грудь.

– Я – министр Лорса из министерства культуры его императорского величества.

– И с каких пор министры выполняют роль посыльных?

– Вы слишком высокого о себе мнения, мастер Тамарин, – ответил Лорса ледяным тоном. – Я пришел к вам лишь потому, что мастер-портной Диньмар из Гансуня болен. Может, когда-то ваша работа и пользовалась большим уважением, но годы, потраченные на эль и вино, осквернили доброе имя вашей семьи. Если бы не рекомендации лорда Тайнака, меня бы вообще здесь не было.

Я больше не могла этого терпеть.

– Вы не имеете права так с ним разговаривать!

– Майя, Майя. – Отец опустил руку мне на плечо. – В задней части лавочки много вещей, которые нужно заштопать.

Таким образом он меня прогонял. Я стиснула зубы, развернулась и, кинув на императорского гонца последний сердитый взгляд, очень медленно вышла.

– Моя карета будет ждать на улице Йянамэр, – сказал Лорса. – Если вы или один из ваших сыновей не явитесь к завтрашнему утру, мне придется сделать это щедрое предложение кому-нибудь другому. Сомневаюсь, что ваша скромная лавочка переживет позор от отказа служить императору.

С этими словами он развернулся на пятках и ушел.

– Отец! – Я кинулась к нему сразу же, как закрылась дверь. – Ты не можешь поехать.

– Приказ императора тоже нельзя игнорировать.

– Это приглашение, – возразила я. – А не приказ.

– Так его сформулировали. Но я знаю, что произойдет, если мы его проигнорируем. – Папа вздохнул. – Распространится молва, что мы не

подчинились императорскому велению. В лавочку больше никто не придет, и мы все потеряем.

Он прав. Дело не только в деньгах или чести – это принудительное приглашение. Как призыв сражаться в Пятизимней войне. Теперь, когда она окончена, императору нужно показать всему остальному миру, что Аланди в порядке. И сделает он это, наняв лучших мастеров во всех сферах: музыкантов, портных, художников. Не жалея средств. Это приглашение – большая честь. И я не могла от него отказаться.

Я ничего не ответила. Отец был не в той форме, чтобы ехать во дворец, не говоря уж о том, чтобы стать новым портным императора. А Кетон... Кетон не мог сделать даже простейшие стежки – куда ему шить наряды, достойные императорского двора?

Но я? Я знала, что способна на это. Мне хотелось стать портнихой императора.

Я пошла к себе в комнату и оттерла рукавом пятна на зеркале, чтобы окинуть себя критичным взглядом. Честным.

Отец всегда говорил, что я больше похожа на маму, чем на него. Я никогда ему не верила. Прямой нос, большие и круглые глаза, полные губы – да, они достались мне от матери. Но она была самой прекрасной женщиной, которую я когда-либо видела, а я... я выросла в доме, полном мужчин, и даже не умела вести себя как девушка. Финлей часто дразнил, что со спины меня не отличить от Кетона – тощая, как мальчишка. Веснушки на лице и руках тоже не помогали, ведь девушки должны быть хрупкими и бледными. Но, возможно, только возможно, все это сыграет мне на руку.

Я не умела петь или читать стихи. Не умела танцевать. Мне не хватало грации, очарования или хитрости. Но я умела шить. Небеса тому свидетели, я умела шить.

Это должна быть я.

Когда отец вернулся к молитве, я макнула палец в уголь из камина и намазала им брови. Рядом с рабочим столом лежали ножницы. Я взяла их, но замешкалась. Мои руки никогда не дрожали, срезая ткань, – я могла провести ровную линию

даже во сне, – так почему же они тряслись сейчас?

Я коснулась кончиков своих волос, которые даже заплетенные спускались ниже талии. Развязала ленты и расплела косички. Пряди волнами легли на спину, щекоча поясницу.

Затем опустила руку с ножницами. Моя задумка была чистым безумием. В таких ситуациях нужно быть рациональным, обдумать все последствия своих действий. Но в голове звучали слова министра Лорсы, говорящего, что я не могу поехать. И слова отца.

Всю жизнь мне твердили, чего я не могу делать, потому что я девушка. Что ж, это мой шанс узнать, на что я гожусь. Единственное, что можно сделать, – это воспользоваться им.

Я расслабила руку и прижала лезвия к задней части шеи. Затем одним быстрым движением отрезала волосы по плечи. Те посыпались по спине и приземлились у ног кругом из черного атласа, пока ветер из окна не разметал пряди с той же легкостью, что и перья.

Руки перестали дрожать, и я собрала волосы в пучок, как Кетон и все юноши его возраста. После этого меня охватило странное спокойствие, будто я отрезала мои страхи вместе с волосами. Это не так, но паниковать было уже поздно. Теперь мне была необходима подходящая одежда.

Я принесла к кровати Кетона поднос с простым супом из зимней дыни и рыбу на пару. Раньше он делил комнату с Финлеем и Сэндо. В те времена дом казался тесным, а теперь – слишком просторным. Половина моей спальни служила в качестве склада для тканей, бусин и красок... а комната Кетона полностью перешла в его владение.

Брат спал. Его губы скривились в гримасе, пока он храпел, хотя Кетон заверял нас, что не чувствует боли, даже несмотря на сломанные ноги.

«Как я могу чувствовать боль, если не чувствую собственных ног?» – пытался отшутиться он.

Я поставила поднос с ужином и натянула одеяло на плечи брата. Затем потянулась к его ящику и достала штаны. Повесив их на руку, начала тихо красться к двери.

- Майя. - Кетон заворошился.

Я быстро развернулась.

- Я думала, что ты спишь!

- Ты ошибалась. - Он устроился головой на подушке.

Я присела на край его кровати.

- Проголодался? Я принесла тебе ужин.

- Ты крадешь мою одежду, - подметил он, кивая на вещи на моей руке. - В чем дело?

Я отодвинулась в тень, чтобы он не видел моих волос, и поджала губы.

- Чуть ранее этим вечером в нашу лавочку заходил императорский чиновник. Он хочет, чтобы отец поехал в Летний дворец и шил наряды для императора Ханюцзиня.

Кетон закрыл глаза. Война искоренила мятежность из моего брата, и он стал выглядеть куда старше своих девятнадцати лет.

- Отец уже давно перестал шить. Он не может поехать.

- Верно, - подтвердила я. - Это сделаю я.

Кетон уперся руками в матрас и приподнялся.

- Демоново дыханье, Майя! Ты совсем с ума сошла? Ты не можешь...

- Даже слышать ничего не хочу.

- Ты не можешь поехать, - закончил он, повышая тон. - Ты девчонка!

- Уже нет. - Я коснулась своих волос и стиснула зубы. - Я устала, что мне вечно твердят, будто я недостойна!

- Дело не только в том, достойна ты или нет, - ответил Кетон, кашляя в рукав. - Это вопрос традиции. Кроме того, девушке ни за что не позволят снимать мерки с императора.

Я невольно покраснела.

- Я поеду под видом тебя, Кетон Тамарин.

- Отец никогда не согласится на это.

- Ему и не нужно знать.

Кетон покачал головой.

- А я-то всегда считал тебя послушной девочкой. - Он лег обратно и смиренно вздохнул. - Это опасно.

- Кетон, прошу тебя... Я должна это сделать. Ради нас. Ради...

- Именно поэтому ты и не должна ехать, - перебил брат. - Хватит пытаться меня переубедить. Если будешь прикидываться парнем, то не можешь думать как девушка. Не смотри постоянно в пол. Смотри мужчине в глаза, когда говоришь с ним, и ни в коем случае не смущайся.

Я быстро подняла взгляд.

- Я не пытаюсь тебя переубедить! И не всегда смущаюсь.

Затем я снова потупила взгляд, и Кетон застонал.

- Прости! Ничего не могу с собой поделаться. Это привычка.

- Тебе никогда не сойти за парня. Ты закусываешь губу и смотришь в пол. А когда не смотришь в пол, то поднимаешь взгляд к небу.

Я возмущенно вздернула подбородок.

- Вовсе нет!

- Продолжай в том же духе, - поощрил меня Кетон. - Кричи громче. Парни злые и заносчивые. Им нравится быть лучшими во всем.

- Думаю, это только ты такой, Кетон.

- Жаль, у меня нет времени, чтобы нормально тебя натренировать...

- Я выросла в доме с тремя братьями и прекрасно знаю, как ведут себя мальчишки.

- Неужели? - Кетон нахмурился. - Ты из деревни, Майя. Мало что знаешь об окружающем мире. Всю свою жизнь ты шила в уголке нашей лавочки.

- А остаток жизни буду шить в уголке дворца.

Он скривился, будто я лишь подтвердила его точку зрения.

- Просто старайся говорить как можно меньше. Не привлекай к себе внимания. - Кетон убрал руки за голову. - Люди видят только то, что хотят видеть.

Мудрость в его печальном голосе напомнила мне об отце.

- Что ты имеешь в виду?

- Именно то, что сказал. Ты шьешь лучше всех в этом мире. Сосредоточься на этой мысли, а не на том, какого ты пола. - Брат поднялся на локти, изучая

меня. – Финлей был прав. Со спины ты действительно похожа на парня. А учитывая веснушки, ты не такая бледная, как большинство девушек... Отец слишком много времени позволяет тебе проводить на солнце.

– Кто-то же должен собирать шелкопрядов, – раздраженно ответила я.

– Ты не особо фигуристая. – Кетон прищурился. – И голос у тебя не мелодичный. Петь ты никогда не умела.

Я чуть не швырнула в него одежду от обиды.

– Я не пытаюсь стать наложницей!

Кетон цокнул языком.

– Не морщи нос и старайся не улыбаться.

– Вот так? – спросила я, копируя гримасу, с которой он спал.

– Уже лучше. – Он отклонился, на губах заиграла легкая улыбка. Но она исчезла так же быстро, как появилась. – Ты уверена, что хочешь этого? Если император узнает... если вообще кто-либо узнает...

– Меня убьют, – закончила я за него. – Понимаю.

Но это была моя лучшая возможность позаботиться о семье. Мой шанс стать настоящей портнихой, лучшей во всей Аланди.

– Это хороший заработок, – твердо произнесла я. – Все деньги я отправлю домой. Кроме того, – выдавила улыбку, – я уже отрезала волосы.

Кетон вздохнул.

– Не могу поверить, что говорю тебе это, но будь осторожной.

– Буду.

– Я жду историй о придворных дамах по твоём возвращении, – простодушно сказал брат. – И об императоре Ханюцзине. – Напрягся. – Возможно, ты даже увидишь шаньсэня.

– Обещаю, – ласково ответила я. – Вернусь с кучей историй.

Я посмотрела на трость, которую купила Кетону, как только он вернулся домой месяц назад. Брат к ней даже не притронулся. Чем она поможет, если он едва мог шевелить ногами?

– Возьми ее, – сказал Кетон, наблюдая за мной.

Дерево было шероховатым и впивалось в ладонь. И хорошо – немного боли будет напоминать мне, что нужно постоянно быть начеку.

– Обещаешь, что постарайся ходить? – спросила я. – Хоть по чуть-чуть каждый день.

– Я буду делать по шагу каждый день, пока тебя не будет.

Этого было достаточно, чтобы укрепить мою решимость. Я поцеловала его в лоб.

– Тогда надеюсь, что я буду отсутствовать очень долго.

...

Пока отец спал, Кетон просвещал меня, как вести себя по-мужски. Как басовито смеяться, чтобы звук будто вырывался из глубины живота, как довольно кряхтеть после вкусной трапезы, как кривиться после глотка крепкого вина. Научил меня, что не нужно просить прощения за отрыжку, выпускать газы, не скрывая этого, и сплевывать каждый раз, когда кто-то осмеливается оскорбить мою честь.

В конце концов, когда Кетон слишком устал, чтобы продолжать урок, я пошла к себе в комнату и начала мерить шагами пол, обдумывая все, что может пойти не так.

«Если меня разоблачат, то убьют».

«Но Кетон с отцом нуждаются в том, чтобы я это сделала».

В глубине души я также знала, что сама нуждаюсь в этой возможности. Если останусь здесь, то стану женой Цалу – женой пекаря, – и мои пальцы забудут, как шить.

Посему, откинув сомнения, я собрала все необходимые вещи. Запасную одежду Кетона, свои лучшие нити, вышивальный шелк, шило и иглы, вышитую тесьму, игольницу, мелок, кисти, баночки с краской, блокноты для набросков и перья.

Солнце будто спешило поскорее взойти на небосвод, ну, или же мне так казалось. Свет выбелил звездный покров над моей головой. Я наблюдала, как утро медленно крадется по морю, пока не коснулось моей улицы и дома.

Все было готово, мои пожитки аккуратно сложены в узелок, закинутый на плечо. Я уверенным шагом – как Кетон однажды – направилась к двери, прихрамывая, чтобы довершить образ, и опираясь на трость для поддержки.

– Подожди, – хрипло окликнул меня отец из-за спины. – Подожди!

В моей груди набухло чувство вины.

– Прости, папа.

Он покачал головой.

– Я ждал этого. Ты всегда была самой сильной среди нас.

– Нет, – тихо ответила я. – Финлей и Сэндо были сильными.

– Финлей был храбрым. Сэндо, по-своему, тоже. Но ты, Майя, по-настоящему сильная. Как твоя мать. Ты укрепляешь нашу семью.

У меня подкосились колени.

- Отец...

Одной рукой он схватился за дверь, а другой протянул какой-то тканевый сверток.

- Возьми это.

Сверток был сделан из столь качественного шелка, что будто таял при касании. Я развязала золотую шнуровку. Внутри оказались...

Ножницы.

Я недоуменно посмотрела на отца.

- Они принадлежали твоей бабушке, - сказал он, вновь заворачивая ножницы, словно их вид причинял ему физическую боль. - Мы с ними никогда не могли сработаться. Они ждали тебя.

- Что мне...

- Ты поймешь, когда они тебе понадобятся, - перебил мой вопрос отец.

Я открыла рот, чтобы попросить его позаботиться о себе и о Кетоне. Но Финлей с Сэндо ушли с такими же прощальными словами и больше не вернулись. Так что я ничего не сказала и просто кивнула.

- Майя. - Отец положил руку мне на плечо. В его глазах загорелся огонек, которого я не видела годами. - Будь осторожна. Во дворце... может быть опасно.

- Обещаю, папа.

- Тогда иди. Покажи им, на что ты способна.

Я оперлась на трость и заковыляла к карете, волоча за собой правую ногу.

Солнце уже ярко светило в небе, но из-за занятых рук я не могла прикрыть глаза от его сияния. Мое лицо сморщилось. Увидев меня, Лорса хмыкнул.

– Кетон Тамарин? – спросил он, рассматривая меня с головы до пят. – Вы с сестрой необычайно похожи.

Все мое тело скрутило, как плохо смотанную веревку. Я выдавила из себя басовитый смешок, который больше напоминал кашель.

– Надеюсь, это единственное, в чем мы схожи. В конце концов, я умею шить, а она – нет.

Евнух согласно что-то крякнул, после чего кинул моему отцу мешочек с цзенями.

– Садись в экипаж, – приказал он мне.

Кетон прав. Люди видят только то, что хотят видеть.

Бросив прощальный взгляд на отца и брата в окне, я забралась в карету, не имея ни малейшего представления, что ждет меня впереди. Только зная, что я должна преуспеть – любой ценой.

Глава 3

Дорога от Порт-Кэмалана до Летнего дворца заняла пять дней. Меня немного разочаровало, что мы не отправились вплавь, поскольку, хоть моя юность и прошла в портовом городке, я никогда не путешествовала на корабле. Впрочем, как и в карете, по крайней мере так долго. Ноги и спина затекли от долгого сидения на месте, но жаловаться я не смела. Меня переполняла радость. И волнение.

Достаточно ли я хороша, чтобы шить для императорского двора? И увижу ли я в Летнем дворце императора Ханюцзиня? Наверняка, если буду его портнихой. Я не знала, какие чувства испытывать по этому поводу.

Мне мало что было известно о нашем правителе. Он родился в год Дракона, как Финлей, а значит, ему двадцать три. Поговаривали, что он свирепо сражался во время Пятизимней войны, мог завоевать преданность воина кивком головы и что его красота могла ослепить само солнце. Все, кто встречался с ним, приходили от него в восторг.

Но я сомневалась в правдивости этих историй.

Будь император действительно таким расчудесным, он бы не начал войну в Аланди, даже чтобы спасти страну от разделения на два лагеря. Даже чтобы спасти свой трон от предательского шаньсэня.

Хороший император не лишил бы меня братьев.

Я впилась пальцами в колени и скривилась. Боль помогала не распадаться на части – а это желание возникало каждый раз, как я вспоминала, чего стоила моей семье эта война.

«Парни не плачут», – упрекнула я себя, после чего повернулась к окну и вытерла нос тыльной стороной ладони.

Нужно было сосредоточиться на чем-то другом. Безделье всегда меня нервировало, поэтому я заняла себя тем, что начала вязать свитер. Дело шло быстро, и, закончив, я распустила пряжу и связала еще один, после чего решила попрактиковать вышивку на лоскутке хлопка.

Министр Лорса ни разу не ответил на мои малочисленные вопросы и не пытался начать беседу. Он спал как медведь, вонял вдвое хуже и отрыгивал после каждой трапезы. Посему большую часть пути я высовывалась в окно кареты и наслаждалась меняющимися запахами местностей Аланди, пока шила.

На пятый день вдалеке замаячил Летний дворец. Отсюда он был размером с ноготок и уютился в большой долине между Поющими горами, идущей вдоль реки Цзинань. Я была наслышана о его величии – покатых золотых крышах, киноварных колоннах, стенах цвета слоновой кости – и трепетала от восторга, глядя на то, как его очертания постепенно увеличиваются и становятся более реальными.

Над нами парил черный ястреб, не считая кончиков крыльев, которые будто припорошило снегом. На его когтях блестело что-то золотое – как кольцо или браслет.

– Какая странная птица, – задумчиво произнесла я. – Она принадлежит императору? Наверняка, с таким-то кольцом. Что она делает так далеко от леса?

Мой голос разбудил Лорсу, и он окинул меня недовольным взглядом.

– Смотрите. – Я показала в окно. – Там ястреб!

– Помеха, – пробормотал министр, когда тот издал крик. – Проклятая птица.

Ястреб спикировал и раскрыл свои большие крылья, подлетая к карете так близко, что я смогла рассмотреть его глаза. Они сияли желтым и казались удивительно умными – птица смотрела так, словно изучала и запоминала мое лицо.

Я уставилась в ответ. Его глаза были... почти как человеческие. Я замороженно протянула руку, чтобы погладить его по шее.

Ястреб резко дернулся и взлетел обратно к небу, после чего исчез за деревом на территории дворца.

Карета остановилась у основания холма. Глициния раскачивалась на легком ветерке, распространяя свой аромат вокруг восьмидесяти восьми ступенек, ведущих к служебному входу. Подъем, как я позже узнала, был способом напомнить о нашем месте, которое находилось гораздо ниже императора Ханюцзиня, Сына Неба.

Я размяла ноги и испустила тихий стон – мои голени затекли от столь долгого сидения в карете.

– Наверх тебя никто не понесет, – усмехнулся Лорса.

Я не поняла, что он имел в виду, пока не вспомнила о трости Кетона.

– О... не беспокойтесь обо мне.

Лорса определенно не беспокоился. Он быстро пошел по ступенькам, оставляя меня позади.

Я кинулась следом. Хоть мои плечи и ныли от тяжести узелка, а ноги дрожали и подкашивались – я не знала, как пользоваться тростью Кетона, – на передышку времени не было.

Здесь все и начнется. Я верну доброе имя семьи. И докажу, что девушка может быть лучшей портнихой в Аланди.

Летний дворец был лабиринтом из павильонов с золотыми крышами, извилистых мощеных дорожек и невероятно оформленных садов. Повсюду цвели бутоны всех оттенков розового и фиолетового, вокруг порхали бабочки.

Куда ни глянь, стояли мужчины в серо-синих туниках и с длинными жиденькими черными бородами – слуги и мелкие чиновники. Они ходили слегка сгорбленно, словно в любой момент были готовы склониться в поклоне. В то же время евнухи в ярко-голубом ходили с прямыми, как игла, спинами, держа в руках сложенные веера. Некоторые приветствовали меня добрыми улыбками, пока Лорса на них не зыркнул, но дышать все равно стало легче. Возможно, не все в этом дворце такие же неприятные, как министр.

Мимо прошла служанка с блюдцем миндального печенья и горячих каштановых тортиков, и у меня заурчало в животе. Чем дальше я шла за Лорсой по узкой тропинке, тем сильнее теснились друг к другу здания, а деревья и кусты становились менее ухоженными. Мы попали на территорию прислуги.

Лорса уже начал терять терпение, когда я наконец поравнялась с ним у широкого прохода под аркой.

– Это – Зал Высшего Прилежания, – объявил он, – тут ты и будешь работать.

Я проковыляла внутрь – у входа меня приветствовали скульптуры легендарных ученых Аланди, Трех Великих Мудрецов, выполненных в натуральную величину. Пол зала был холодным, как фарфор, по стенам висели разрисованные свитки:

большинство с любимыми афоризмами его императорского величества, но были и с пионами, сомами и журавлями. Через незастекленные зарешеченные окна доносилось пение настоящих птиц – не ястребов, а жаворонков и дроздов, даже несмотря на то что день уже клонился к вечеру.

В таком огромном помещении я еще никогда не бывала. Оно было как минимум в десять раз больше кухни отца Цалу и в три раза больше храма в Порт-Кэмалане. В углу стояли прялки, посередине – двенадцать столов, оснащенные ткацкими станками, пяльцами, корзинками с нитями, иглами и булавками. Рабочие места отделялись складными деревянными ширмами с крючками, чтобы вешать и драпировать ткань.

Одиннадцать из них уже заняли мужчины, которые уставились на меня и начали перешептываться.

Я потупила взгляд, но затем вздернула подбородок и нахмурилась.

– Они тоже императорские портные? – спросила я у Лорсы, ковыляя вслед за ним так быстро, как только могла.

– Останется только один. – Евнух продолжил идти в противоположную часть зала, куда падало меньше солнечного света. Затем указал на стол. – Это твое рабочее место до тех пор, пока тебя не отстранят.

«Отстранят?»

– Простите, сэ. Я немного не понимаю.

Лорса покосился на меня.

– Ты же не думал, что будешь единственным портным, которого позвал его величество, верно?

– К-конечно, нет, – ответила я с запинанием.

– И, само собой, ты не полагал, что его величество наймет портного без предварительной проверки?

Теперь я осознала свою ошибку. До чего наивно было думать, что меня выбрали и что спасти честь семьи будет настолько легко.

Нет, нет. Все совсем не так.

Мне придется соревноваться за должность. Эти одиннадцать портных – мои соперники!

Вновь обретя мужество, я окинула их изучающим взглядом. Все были одеты в свои лучшие наряды. То тут, то там блестели нефрит и жемчуга, виднелись бархатные куртки, парчовые шарфы с шелковыми веревочками и пояса с золотыми вставками... и внезапно я поняла, почему все так на меня пялились. Не из-за хромоты или юного возраста.

Я была хуже всех одета! Краска на рубашке давно поблекла, ткань изнасилась, рукава были слишком длинными, отвороты штанов пришлось подвернуть до щиколоток.

Что за портной, который не может ушить собственные штаны и сшить себе подходящую рубашку?

Мои щеки залились румянцем. Я стыдливо опустила голову, яростно жалея, что не подумала поработать над одеждой Кетона в карете, вместо того чтобы вязать глупый свитер.

Поставив корзинку и узелок на стол, принялась быстро доставать свои принадлежности. Портной напротив меня довольно громко сказал своему соседу:

– Сотня цзеней, что он вылетит первым.

Хохот.

– И с чего бы мне спорить об этом?

Мое лицо запылало пуще прежнего, и я окинула их испепеляющим взглядом. Затем, засучив рукава, села на свой стул и повернулась к Лорсе.

– Теперь, когда все двенадцать из вас наконец-то собрались, – громко объявил министр, – мы можем начать испытание. Служить императорской семье предложат только лучшему портному в Аланди. Мастер Хуань пробыл в этой должности тридцать лет, но после его недавней кончины место стало вакантным. Его императорское величество, в своей бесконечной мудрости и славе, пригласил портных со всей Аланди, чтобы они могли побороться за эту великую честь. Многие из вас уже служили придворными портными, но императорский портной – один из самых уважаемых и привилегированных слуг его величества. Эта должность – на всю жизнь, и она принесет процветание тому, кто ее заслужит. Из присутствующих здесь только один займет место среди слуг его императорского величества и немедленно начнет шить для леди Сарнай.

«Леди Сарнай? Бессмыслица какая-то».

– Мне казалось, что эта должность для портного его величества, – пробормотала я.

– Я слышал, как ты что-то пробубнил, Кетон Тамарин, – сказал Лорса, глядя на меня своими блестящими глазами.

Мой рот тут же захлопнулся. На опасное мгновение я забыла, что должна говорить как мой брат. Заметил ли Лорса?

– Говори, если есть что.

– Э-э, – во рту внезапно пересохло. Я прочистила горло и ответила самым низким басовитым голосом, на который была способна: – Сэр, я полагал, что эта должность для портного императора Ханюцзиня.

– Ваша работа – угождать императору, – исправил меня евнух. – А он желает, чтобы новый императорский портной обеспечил гардеробом леди Сарнай.

Я опустила голову, но не прежде, чем увидела, как мужчины впереди меня переглядываются между собой.

– Понял, сэр.

Мой вопрос вызвал волнение среди остальных. Не всем нравилась идея служить дочери шаньсэня, особенно учитывая, что война закончилась совсем недавно.

Министр Лорса продолжил:

– Как только император выберет нового портного, его первой задачей будет сшить свадебное платье для леди Сарнай, поэтому крайне важно, чтобы ваши работы во время испытания удовлетворили не только его величество, но и саму леди. Начнем с простого. Поскольку леди Сарнай родом с холодного Севера, у нее мало нарядов, подходящих под погодные условия Летнего дворца. Его величество желает, чтобы вы сшили ей шаль, подходящую для легкого вечернего бриза.

Шаль? Как, ради Девяти Небес, леди Сарнай определит мастерство портного по шали?

– Каждому из вас выделили рулон белого шелка. Можете резать его, как посчитаете нужным. Во всех углах ткани есть печать его императорского величества, и все четыре из них должны присутствовать в конечном результате вашей работы. Для этого состязания вы можете использовать только те краски, нити и ленты, что лежат в ящиках с материалами. Всем портным запрещено пользоваться сторонней помощью. К завтрашнему утру ваши шали должны быть готовы к проверке.

«К завтрашнему утру?!» Я оглянулась и увидела, что все мастера напряглись. Они определенно были не менее шокированы, чем я, но никто не осмеливался подать голос, так что я тоже помалкивала.

– Леди Сарнай прибудет утром, чтобы определить, кто из портных останется для следующего раунда этого испытания. Не забывайте, что шаньсэнь, как и император, – унаследованный титул, часть нерушимой кровной линии военных лидеров Аланди. К леди Сарнай нужно обращаться «ваше высочество», это ясно? – Министр подождал, пока мы согласно забормочем в ответ. – Прекрасно.

Да вдохновят вас Мудрецы создать то, что будет достойно ее.

Никакой гонг или колокол не прозвенел, но эти слова звучали как свобода для моих ушей. Я встала и потянулась за рулоном ткани и своим блокнотом для набросков. Остальные портные уже яростно придумывали дизайн, но я пока понятия не имела, что сделаю с шалью леди Сарнай.

Окружение в виде одиннадцати потных, яростно конкурирующих мужчин никоим образом меня не вдохновляло, поэтому я собрала материалы из ящиков и ушла из Зала Высшего Прилежания, чтобы найти себе место получше.

Глава 4

Моим новым домом служила тесная комнатка, по форме напоминавшая локоть, обставленная койкой и столом с тремя ножками, на котором и свечка вряд ли выстоит. На деревянном подоконнике стояла небольшая латунная миска с благовониями для молитв, на потолке висел бамбуковый фонарик, а в фарфоровом умывальнике тонула муха.

– По крайней мере, здесь чисто, – вслух произнесла я. – И мне не нужно ни с кем ее делить.

Впервые за неделю мне выдалась возможность побыть одной. Я прислонилась головой к расписной стене, чтобы пару секунд просто подышать воздухом, прежде чем задуматься о реальной причине, почему мне хотелось уединиться.

Медленно расстегнула пуговицы на рубашке. Все туловище пульсировало от боли. Моя грудь и так была плоской, но в целях предосторожности я обмотала ее льняными повязками, и после пяти дней в дороге мой дискомфорт достиг апогея. Не осмеливаясь снимать их, я просто окунула руки в миску с водой и смыла с себя пот.

Придется привыкнуть к боли.

Вновь застегнув рубашку, я высыпала вещи из узелка на кровать. Впервые вид моих инструментов не вдохновлял и не утешал. Тяжело вздохнула. Мне никак не расшить целую шаль к завтрашнему утру.

Но можно ее разукрасить.

Только я собралась порыться в вещах в поисках кистей, как на глаза попался сверток с подаренными отцом ножницами. Поддавшись любопытству, я развернула их и подняла к тусклому свету, отчего они заблестели. Ручки были тоньше и более изящными, чем у моих, но, помимо солнца и луны, выгравированных на концах лезвий, в них не было ничего особенного. Кроме того, запасные ножницы были мне ни к чему, поэтому я завернула их и спрятала под матрас.

– Куда подевались баночки с краской? – пробормотала я, копаясь в своих пожитках. – Неужели забыла их в зале?

Видимо, да. Застонав, я поковыляла обратно в Зал Высшего Прилежания, надеясь, что не встречу никого по пути, но тут меня подозвал какой-то старик.

Он был крупным и широким, но его пальцы выглядели тонкими и ловкими. Посмотрев на пояс, я убедилась, что это мой коллега-портной: он носил булавки и иглы, как генерал – медали. Я остановилась, чтобы поздороваться. Он не был одним из тех, кто спорил о моем мастерстве, – хотя бы это я знала.

– Ты, наверное, сын мастера Тамарина, – сказал старик. – Твое лицо самое узнаваемое. Ты едва выглядишь достаточно взрослым, чтобы отращивать бороду!

Он произнес это таким задорным голосом, что я не сдержалась и засмеялась.

– Вин Лонхай, – представился он. – Из провинции Бансай.

Имя было мне знакомо. Мастер Лонхай прославился благодаря пошиву мужских халатов; он одевал наиболее значимых ученых и верхний эшелон знати. Даже сшил халат для отца императора Ханюцзиня.

– Кетон Тамарин, – ответила я. – Из Порт-Кэмалана, что на юге Гансуня.

Лонхай улыбнулся. Его лицо было грубоватым и с глубокими морщинками, кожа загорела под солнцем, что довольно необычно для мастера-портного, а значит, он, как и я, был скромного происхождения. Но даже несмотря на это, его одежда была сшита из очень хорошего материала, а от самого старика слегка пахло рисовым вином, замаскированным парфюмом с нотками сандалового дерева и лотоса.

– Ах, – сказал он. – Я так и думал, что ты с Юга. Полагаю, ты привез с собой амулеты для удачи и стойкости? Жена не выпускала меня из дома без арсенала талисманов. На столе мастера Иньди уже висит с дюжину!

Я сложила руки на трости.

– Я не верю в эти безделушки.

– И ты зовешь себя южанином?

– Порт-Кэмалан очень маленький, – кратко ответила я. – В нем нет места для магии.

Лонхай покачал головой.

– Может, в Порт-Кэмалане и нет, но теперь ты в императорском дворце. Вот увидишь, ты еще изменишь свое мнение. Особенно после того, как познакомишься с императорским лордом-чародеем.

Я подняла бровь. Мне мало что было известно о чародеях, не говоря уж о лордах, кроме того, что они встречались редко и кочевали из страны в страну. Мне они не казались подходящим выбором для должности верного советника, поэтому я не понимала, почему короли и императоры так их ценили.

Должно быть, Лонхай заметил скептическое выражение моего лица, так как сказал:

– Лорд-чародей консультирует императора по многим вопросам. Он годами служил его отцу, но при этом не постарел ни на день! Некоторые портные пытаются с ним подружиться – эти люди пойдут на что угодно ради победы.

– Разве использование магии не считается жульничеством?

– Скорее, нечестным преимуществом. Но жульничеством? – Лонхай посмеялся. – Думаешь, испытание императора должно проверить нас исключительно на мастерство?

Я пожалала плечами. Всегда критически относилась к магии. Впрочем, как и к большинству вещей, которые не могла сшить иглой и нитью.

– А на что же еще?

– Тебе многому предстоит научиться, – по-доброму ответил он.

Мы вместе пошли в Зал Высшего Прилежания, огибая сад с извилистыми тропинками, соснами и сливами.

– Двор Небесного Спокойствия. Нам запрещено заходить дальше водопада без специального разрешения. – Лонхай понизил голос. – Но это не значит, что мы не можем смотреть.

Внезапно он присел, пригнув голову, а затем толкнул меня, чтобы я сделала так же. Тогда вдалеке, в противоположной части сада, возникла быстро идущая девушка, за которой семенили три служанки.

Она была прекрасной, с кожей цвета слоновой кости, струящимися черными волосами и лебединой шеей. Определенно знатного происхождения, учитывая свиту и величественную поступь, но вот ее наряд выглядел странно: простая светло-голубая сорочка из сукна, которая едва доставала до лодыжек, кожаные сапоги и стеганая шуба, накинутая на плечи, хотя она едва ли подходила для нынешней теплой погоды.

Служанки молили ее:

– Ваше высочество, до банкета в вашу честь осталось не так много времени. Вы не хотите переодеться?

– А что не так с моей одеждой? – спросила леди. Ее тон был резким и не терпел возражений.

– Ваше высочество, пожалуйста! – не унимались девушки.

Но леди шла дальше, будто и не слышала их. Позади нее следовал самый крупный мужчина, которого я когда-либо видела. Размером с медведя, он занимал всю тропинку. У него была ровно подстриженная бородка, узкие глаза венчали густые черные брови.

– Ваше высочество, – произнес он низким и сиплым голосом. – Вам стоит прислушаться к советам служанок. Пожалуйста. Ваш отец бы этого хотел.

Леди замерла. На своего компаньона не посмотрела, но между ними возросло напряжение. Она вскинула подбородок.

– А вы всегда на его стороне, не так ли, лорд Сина?

Я не видела, кивнул ли он или поклонился в ответ, но леди повернулась к главной служанке.

– Очень хорошо, – сказала она с легкой дрожью в голосе. – Я согласна взглянуть на платья, которые может мне предложить его величество. Однако не обещаю, что надену их.

Как только они отошли подальше, Лонхай выпрямился.

– Ну и ну. Я бы сказал, что это того стоило. Завтра у нас будет преимущество над остальными. Это была леди Сарнай, дочь шаньсэня.

Я попыталась скрыть свое удивление. Это леди, для которой нам придется шить во время испытания? Я представляла ее воином, похожей на отца, – девушкой, которая носила штаны и броню, без единого намека на женственность, выросшую дикой и необузданной. Леди Сарнай действительно выглядела

свирепой, но еще... красавицей.

Морщинистое лицо старика расплылось в улыбке.

– Я так понимаю, она не такая, как ты себе представлял.

– Она очень грациозная, – еле выдавила я. – А кто тот мужчина с ней?

– Лорд Сина, – ответил Лонхай напряженным голосом. – Излюбленный воин шаньсэня и сын его самого доверенного советника. Его присутствие – оскорбление для его величества.

– Оскорбление?

– Ходили слухи, что до перемирия лорд Сина был обручен с леди Сарнай. Что он – ее любовник. Но все это просто дворцовые сплетни. Никто не знает наверняка.

Старый портной потянулся в халат за флягой. Затем протянул ее мне и, когда я отказалась, сделал щедрый глоток.

Я задумалась над тем, как дочь шаньсэня говорила с лордом Синой – была ли горечь в ее голосе направлена на возлюбленного или на отца? Или на обоих?

Тем временем Лонхай закрутил флягу.

– Видел ее шубу? Из кролика, лисы, волка и как минимум из трех разных медведей. Северяне носят лишь то, что сами добывают на охоте – леди Сарнай должна быть весьма способной. – Он вздохнул с сочувствием. – Ей будет нелегко привыкнуть к жизни здесь. – Старик наклонился ко мне, словно хотел поделиться секретом. – Но ей явно нравится раздражать его величество. Она явилась на чаепитие с императором и его военными министрами в штанах!

Дерзости леди Сарнай было не занимать. Я даже не знала, уважать ли ее за это или наоборот.

– Уверен, завтра мы об этом услышим, – сказал Лонхай, когда мы подошли к залу.

Мне очень хотелось сидеть рядом с ним, но, увы, его место находилось в противоположном конце помещения. Поэтому я вернулась за свой стол в одиночестве, достала блокнот, чтобы сделать набросок рисунка для шали, и даже не потрудилась поприветствовать остальных портных. Что-то мне подсказывало, что их возмущало мое присутствие.

К превеликому облегчению, они тоже меня игнорировали. Но с помощью обрывков разговоров я узнала, что стала последним портным, прибывшим на испытание, и это объясняло, почему мне достался худший стол – посредине зала, где вся моя работа будет чуть ли не выставлена на всеобщее обозрение.

Мне также удалось кое-что выяснить о своих соперниках. Помимо Лонхая, никто из портных мне не представился, но я услышала несколько знакомых имен. Как и Лонхай, они были мастерами – я изучала их стили с детства и пыталась им подражать. Эти мужчины шили задолго до того, как я родилась.

Мастер Тарахэ и мастер Иньди обучались разным школам рукоделия, но оба считались гениями: первый специализировался на цветах, а второй на двусторонней вышивке. Мастер Бойень шикарно вязал, мастер Дэлунь ткал парчу, как никто другой. Мастер Норбу был фаворитом среди знати.

А я? Когда мы жили в Гансуне, отец просил навещавших его друзей научить меня своим региональным стилям и ремеслу, а в Порт-Кэмалане я перенимала технику у каждого купца и портного, которые соглашались со мной говорить.

Но у меня не было ни звания мастера, ни репутации.

– Эй, ты! – рявкнул мужчина, прерывая мои тревожные мысли. – Смазливый!

Волоски на моей шее встали дыбом, но я повернула голову. Мастер Иньди был тучным, хоть и не так, как Лонхай, и с носом картошкой, который постоянно отчего-то морщился. А еще лысым, не считая седых бакенбард, спускающихся по щекам. Довольно иронично, если учесть, что его борода доставала почти до колен.

– Слушай, можно забрать твой шелк? Ты все равно скоро отправишься домой, так почему бы не отдать его тому, кто сумеет использовать его с умом?

Все прыснули от смеха. Казалось, никто не сомневался, что меня первой отошлют обратно. Мои губы сжались в тонкую линию.

– Оставь мальчишку в покое, – подал голос Лонхай. – Если вы все такие умелые мастера, то вам не нужен дополнительный шелк.

– Водишь дружбу со сбродом, а, Лонхай? – спросил Иньди. – Ничего иного я от тебя и не ожидал. – Вновь повернулся ко мне и продолжил насмехаться: – Уверен, что не уколешься иголкой? Мой подбородок не был таким гладким с тех пор, как я был ребенком.

– Что случилось с твоей ногой? – встрял еще один портной.

Чернила на бумаге размазались. Я перевернула страницу и начала рисовать эскиз заново. «Люди видят только то, что хотят видеть, – напомнила я себе. – Лучше пусть считают меня женоподобным парнем, чем мужеподобной девушкой».

– Ты глухой, симпатяга?

– Или только хромой?

Тут уж я перестала рисовать.

– Я сражался на войне. И сломанная нога не означает, что я не могу работать руками, – дерзко огрызнулась я. – Держу пари, что шью быстрее любого из вас!

Мастер Иньди рассмеялся.

– Это мы еще посмотрим. Когда я был в твоём возрасте, то по-прежнему стирал рубашки своего учителя. Он и близко не подпускал меня к ткацкому станку. – Мужчина фыркнул. – Дай-ка взглянуть на твои руки, симпатяга. Я могу отличить портного от юнца, занимающегося стиркой.

Я растопырила пальцы, чтобы показать мозоли. Братья часто дразнили, что мне никогда не найти мужа, потому что у меня руки грубые, как у мужчины.

- Ну? – спросила я. – Портной или юнец?

Иньди хмыкнул и, потягивая бороду, вернулся на свое место.

Ко мне подошел Лонхай, берясь рукой за ширму.

- Не волнуйся из-за Иньди. Он лает, но не кусается.

- Мастер Лонхай говорит мудрые вещи, – вмешался Норбу, к моему удивлению. Портной был тихим, и я не заметила, как он подошел к моему столу. – Мы ничего не успеем, если будем тратить время на придирки к мальчишке. – Он показал на статуи Трех Мудрецов. – Боги слушают нас, мастера. Вы хотите пробудить их гнев?

Один за другим все покачали головами. Даже Иньди, чей стол украшали амулеты от демонов и невезения, нахмурился.

- Тогда возвращайтесь к работе.

Норбу имел большое влияние, поскольку владел собственной лавочкой в столице, Цзяпуре, где под его началом было более ста портных. Среди нас он был самым богатым и могущественным. Его дочь вышла замуж за важного чиновника, так что он сам стал чуть ли не представителем знати.

- Полагаю, теперь они оставят тебя в покое, – сказал мужчина, когда болтовня затихла. А затем улыбнулся, и у меня сложилось устойчивое впечатление, что теперь я перед ним в долгу.

- Спасибо.

Он начал возиться с нитями, разложенными у меня на столе. Норбу напоминал мне раздутую ящерицу: длинное и худое тело, но при этом круглый живот; веки наполовину опущенные, из-за чего создавался обманчиво сонный вид. Портной не казался таким злым, как Иньди, но мне все равно хотелось, чтобы он перестал трогать мои вещи.

– Мы слышали, что ты занял место отца в испытании, – сказал он. – Как благородно. Мой отец умер еще до моего рождения, но мастер Хуань – последний портной императора – был мне как родной.

Я сложила руки, которым не терпелось приступить к работе, и изобразила вежливую заинтересованность.

– Я не знал, что он был вашим учителем.

– Очень давно, – ответил Норбу, шмыгнув. – Но меня все равно ранило в самое сердце, когда в прошлом месяце его тело обнаружили в реке Цзинань.

Я сглотнула.

– Мне очень жаль это слышать.

– Знаешь, он работал в этом самом зале, с десятками своих подмастерьев. Даже я иногда приходил ему помочь. – Норбу помедлил. – Служанки клянутся, что его призрак до сих пор бродит ночами по дворцу.

По мне прошла дрожь.

– Я не верю в призраков.

– Как и я. – Портной наклонил голову, изучая меня своими глазами цвета мрамора. – Насчет остальных не беспокойся, юный Тамарин. Я буду присматривать за тобой.

Когда он наконец-то ушел, я расслабилась и накинула шаль себе на руку. Шелк – материал легкий и приятно ощущается на коже. Поэтому он такой востребованный и дорогой.

Как и мастер Лонхай, я хорошо умела рисовать, но моей сильной стороной была вышивка, как у мастера Иньди и Тарахэ. Посему я решила нарисовать сад и расшить его цветами: пионами, лилиями и хризантемами. А еще даму, держащую стрекозу на пальце. Мне уже сотни раз доводилось расписывать эту сцену, да и краска быстро высохнет. Поскольку на шаль нам дали всего день,

сейчас было не время для неоправданного риска.

Шли часы. Благодаря рисованию мой разум и руки оставались занятыми, но на заднем фоне постоянно галдели остальные портные.

– Это работа для слуг, – проворчал один. – Мне не приходилось вязать узел кисточки с тех пор, как я был мальчишкой.

– Красить еще хуже.

– И все это для того, чтобы стать портным дочери предателя. И какая в этом слава?

– Достаточно и привилегии служить его величеству, – отрезал Лонхай. – Еще немного чести, и нам придется стать священниками в Великом храме.

Так они и болтали, пока не перевалило за полночь. Глаза слипались. Я не высыпалась с тех пор, как уехала из Порт-Кэмаланя.

«Нет, нужно сосредоточиться. Мне ни за что не закончить работу, если пойду спать сейчас».

Я размяла пальцы и потерла задеревеневшую мышцу в шее. Тело постоянно находилось в напряжении. Для меня было привычно часами напролет горбатиться над работой, но не в окружении одиннадцати других портных. Соблазн подсмотреть за прогрессом соседей увеличивался с каждой секундой, а из-за всеобщего трепя было невозможно сосредоточиться.

Покрутив плечами, я взяла иглу, чтобы расшить края шали, стараясь не смазать рисунок.

– Я создал плащ для леди Баньдэй, расшитый тысячей пионов, – говорил мастер Тарахэ. – Он так ей понравился, что она заплатила наипрекраснейшим нефритовым ожерельем. Моей дочери повезло с отцом. Я подарил ей его как часть приданого.

– Я лично знаком с леди Сарнай и знаю ее предпочтения.

– ...Не представляю дочь варвара в таком роскошном шелке. Какая потеря!

Я завязала узел и оторвала нить от катушки. Если бы только они перестали болтать!

– Что насчет тебя, Кетон Тамарин? – крикнул Иньди с другой части зала. – Ты такой тихий. Почему ты хочешь победить в маленьком состязании его величества?

Я замерла. Что сказать? Я действительно пришла за славой, но моя главная цель – помочь семье.

«Не скромничай, – предупреждал меня Кетон. – Мужчина гордится своим ремеслом. Если он этого не показывает, то выглядит так, будто стыдится».

Я сказала со всей заносчивостью, на которую была способна:

– Потому что я лучший портной в Аланди.

Некоторые мужчины фыркнули.

– Да у тебя едва молоко на губах высохло!

– Молодость – сама по себе талант, – заметил Норбу, успокаивая их. – Я доверяю суждению его величества.

Но Иньди не унимался:

– И почему же ты лучший портной, юный Тамарин?

Я сглотнула, но дерзко ответила:

– Я быстрый и могу прясть, ткать и завязывать узлы. Изучал все четыре школы вышивки. Могу наложить сотню разных стежков во сне.

Кто-то шмыгнул.

– Великолепность кройки зависит не только от скорости или изящества стежков.

– Знаю, – продолжила я, – она также зависит от композиции. И цвета...

– И ты думаешь, что знаешь о цвете больше, чем я? – Иньди шумно выдохнул. – Что ж, симпатия, посмотрим, что ты придумаешь. Держу пари, завтра твой последний день.

– Полагаю, он может сузить и подшить штаны с закрытыми глазами, – пробормотал Бойень достаточно громко, чтобы я услышала. – Но тогда почему он пришел в деревенской одежде?

Мое эго дало слабину, но я заметила ободряющую улыбку Лонхая.

– Увидите, – вот и все, что мне удалось выдать.

«Не привлекай внимания, – предостерегла я себя. – Они и так думают, что в тебе есть что-то странное».

Мои руки дрожали. Впервые за всю жизнь у меня не получалось продеть нить в ушко иглы.

– Проблемы, Тамарин? – насмеялся надо мной Бойень. – Может, попробуешь облизать нить? – издал причмокивающий звук. – Так детей учат.

Больше я этого терпеть не могла. Взяв трость, заковыляла к двери.

– Ты же еще не устал, юный Тамарин? – спросил Норбу, когда я проходила мимо его места. – Почему бы тебе не выпить чаю?

Идея была хорошая, и я кивнула в знак благодарности. Запасы чая хранились в комнатке перед залом, и, налив себе чашку, я сделала щедрый глоток.

Но, вернувшись к столу за шалью, не смогла сдержать крик. Кто-то вылил чай на мою работу! Краски расплылись по всему шелку. Дама, которую я усердно рисовала по подобию леди Сарнай, превратилась просто в сгусток чернил.

Кто это сделал? Я посмотрела на портных, но они меня игнорировали.

Закусив губу, смяла испорченный шелк. На глаза накатились слезы, но я отказывалась доставлять своим соперникам удовольствие и показывать, что они меня задели.

- Ну что, начевався, симпатьяга? - крикнул Иньди.

Норбу хлопнул в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание.

- Юный Тамарин, если тебе нужен дополнительный шелк, можешь взять мои обрезки. Я иду спать.

- Спасибо, - прошептала я. - Но я справлюсь.

- Норбу, - загалдели остальные, - ты уже на боковую?

- Лучше всего мне работается в одиночку, - ответил он, зевая. - И по утрам.

Я сердито спрятала испорченный шелк в узелок и последовала за Норбу на выход, лицо пылало от усилий подавить слезы.

В коридоры, тускло освещенные лунным светом и фонариками на стенах, свободно проникал благоухающий ночной воздух. Я считала серые двери с латунными защелками, пока не дошла до своей комнаты.

Затем рухнула на кровать. У меня был единственный шанс стать кем-то больше чем швеей, штопающей штаны и пришивающей пуговицы в Порт-Кэмалане. Единственный шанс стать императорской портнихой, лучшей во всей Аланди, чьи наряды вызывали бы восхищение по всей стране и носила бы королевская чета.

А теперь?

Я с трудом втянула воздух. Финлей бы не хотел, чтобы я так просто сдавалась. Как и Сэндо. А Кетон... «Мне необходимо получить эту должность, чтобы позаботиться об отце и Кетоне. Чтобы они не оголодали и мне не пришлось выходить замуж за Цалу. Чтобы не стать неудачницей».

Я вытерла глаза краем рукава, а затем встала и зажгла свечу, чтобы изучить степень урона, нанесенного шали. Цветы, которые я рисовала весь день, расплылись. Даже если их промокнуть, дизайн все равно будет испорчен. Единственный способ скрыть ущерб – это начать заново, может, вышить что-нибудь поверх пятна от чая и размазанной краски. Сложная задача, учитывая, что для ее выполнения осталась всего одна ночь.

Сев со скрещенными ногами, я вздохнула, достала пергаментную бумагу и начала устало рисовать набросок.

«Не спи!»

Прислонив голову к стене, мысленно дала себе клятву, что сделаю лишь небольшой перерыв. Но когда я моргнула, свеча уже догорела, расплывшись восковой лужицей.

– Демоново дыхание! – выругалась я. Должно быть, я уснула.

Я зажгла еще одну свечу и посмотрела на луну, чтобы понять, сколько времени было утеряно.

Виски пульсировали, голову наполнил низкий гул.

Потянувшись к узелку, я начала копаться в поисках игл и нитей, но тут мои пальцы нащупали ручки папиных ножниц. «Странно». Мне казалось, что я спрятала их под матрас.

Я достала их вместе с остальными инструментами. Но что толку от ножниц, когда моя шаль испорчена?

«Успокойся. Что ты делаешь, когда попадаешь в такие ситуации? Определенно не паникуешь и не совершаешь новые ошибки. Ты успокаиваешься. Идешь на

прогулку».

Прихватив фонарик, я вернулась в Зал Высшего Прилежания. Он опустел, и теперь у меня появилась возможность рассмотреть творения своих конкурентов. Драпировка мастера Бойеня была превосходной, бисероплетение мастера Гарада – изысканным. Лонхай вышил лебедя и деревья вокруг него – работа достаточно прекрасная, чтобы назвать ее произведением искусства. А Иньди впечатлил меня тем, что расшил практически всю шаль.

Послышался шорох страниц блокнота – слишком трепетный, чтобы его вызвал ветер. Встревожившись, я отложила его и подошла к ближайшему окну.

«Никаких призраков. Просто птица».

Вздыхнув, я поставила фонарик на стол и начала вышивать.

Гул в голове усилился. Я опустила взгляд, почувствовав странную дрожь у бока. Поначалу казалось, что она исходит от ножниц, но это было невозможно, так что я ее проигнорировала.

А затем они засияли.

Я просто хотела отрезать свободную ниточку, но обнаружила, что не могу выпустить ножницы из рук. Внезапно в моем разуме возник образ законченной шали – прямо как я ее нарисовала. Но добиться такого результата за оставшиеся несколько часов было невозможно.

«Ты все сможешь», – заверил меня голос. Мой, но только более уверенный.

Ножницы скользнули по шали, будто завладев моей рукой. Невидимые нити восстановили урон, нанесенный водой, даря ткани новую жизнь, а цвета из баночек с краской впитались в шелк, в то время как размазанные пятна растворились и рассеялись, пока не вернулся первоначальный рисунок.

Как бы невероятно это ни звучало, ножницы не только резали, но и вышивали. Тонкие серебристые лезвия рассекали и собирали нити с вышивальным шелком, выплясывая на ткани, вышивая замысловатые цветы, птиц, деревья и горы с

точностью и элегантностью.

С магией.

Магией, которой я не могла противиться. Рука отказывалась выпускать ножницы, как бы я ни старалась их снять, как бы ни хотела их отложить. Меня охватило заклятие, опьяняя своей силой.

Если бы не раздражение кожи между пальцами, я бы подумала, что все это мне снится.

Сделав последний надрез, ножницы поблекли, их сияние погасло.

Полностью изнеможенная, я плюхнулась на стол и уснула.

Глава 5

Что-то острое впилось в бок.

Мои веки дрогнули, но не открылись. Господи, если это Кетон будит меня тычками спицей...

Злобный смешок.

– Проснулся, симпатяга?

Стоп, это не похоже на Кетона. Ну разумеется! Я во дворце, а не дома с отцом и братом.

Я сонно заворшилась. В уголке губ засохла слюна, и когда я вытерла ее рукавом, надо мной нависло круглое лицо мастера Бойеня.

Он причмокнул губами.

– О, мы прервали твой прекрасный сон, мастер Тамарин?

Мои глаза распахнулись. Почему он сделал такой акцент на слове «мастер»?

Неужели знает, что я девушка?

«Нет-нет-нет», – подумала я, полностью приходя в себя. Должно быть, слух о том, что я не мастер, уже успел распространиться. Не нужно много вынюхивать, чтобы узнать, что никто из сыновей моего отца еще не получил это звание.

Бойень усмехнулся.

– Тебе не помешало бы собрать вещи. Ты ведь отправишься домой, твоя шаль испорчена.

Я вскочила на ноги. Шаль! Где она?

Мне смутно помнилось, как мои ножницы сияли и резали... словно в них вселился дух. Нет, нет. Это невозможно, наверняка мне все померещилось.

Небеса, должно быть, я уснула, так и не закончив работу! Я начала лихорадочно рыться в вещах на столе, пытаюсь найти шаль. Затем вспомнила: прямо перед тем, как спрятать отцовские ножницы, я положила ее в корзинку с нитями из дома.

Присела, выживая шаль из укрытия. Ее было нетрудно найти – из-под катушек выглядывала бледная, как нарцисс, ткань.

Развернув ее, я ахнула. Это был не сон.

Идеальные стежки и изысканная вышивка – на них потребовался бы целый месяц. Выкладная нить была безупречна, двенадцать цветов равномерно смешались друг с другом, из-за чего рисунок с лилиями и пионами казался реальным. Даже дама восстановилась; она стояла в ярко-фиолетовом халате среди розовых и алых цветов, но, если присмотреться, девушка больше напоминала меня, чем леди Сарнай.

Как глупо, глупо! Шаль помялась. Почему я не сложила ее должным образом?

Я встревоженно разгладила складки. Слуга принес мне сковородку с раскаленным углем, и я со всей осторожностью прижала ее к шали, чтобы не сжечь хрупкую ткань.

Процесс так меня увлек, что не хватило времени съесть принесенную слугами горячую миску с кашей. Не в моих правилах игнорировать бесплатный завтрак – отец всегда говорил, что желудок управляет моим сердцем, но, как бы ни мучил меня ароматный запах, нужно было довершить работу над шалью.

Остальные портные в зале вовсю суетились.

– Слышали о вчерашнем банкете? – спросил мастер Гарад. – Леди Сарнай отказалась пить за здоровье императора.

– Ну, он тоже отказался пить за ее.

– Союз, заключенный на небесах. Дочь Тигра и сын Дракона.

– Она – дочь предателя. Императору лучше быть осторожным, иначе она выколет ему глаза в их брачную ночь.

– Вы бы следили за языком, говоря о дочери шаньсэня, – предупредил их Иньди.

– Боишься, что его демоны слушают нас? – усмехнулся Гарад. – Мы знаем, что ты считаешь шаньсэня одержимым, суеверный старый дурак.

Тот пожал плечами.

– Вот подождите, и сами увидите.

Все портные рассмеялись, но я к ним не присоединилась, хоть и радовалась, что на сей раз мишенью для издевок был Иньди, а не я. Он резко встал, чтобы погладить шаль, ну, или так мне казалось, пока мужчина не остановился у моего стола.

Полностью его игнорируя, я подняла свою шаль. Шелк мерцал, как светлое золото. Выглядела она великолепно, но я не знала, гордиться мне или беспокоиться. Моя ли это работа или магии?

- Ты сшил ее за одну ночь? - спросил Норбу. - Впечатляет. Очень впечатляет. Я бы сказал, что она лучше, чем все остальные. Намного лучше.

Я не смогла сдержать улыбки.

- Благодарю, мастер Норбу.

- Действительно впечатляюще, - согласился Иньди.

Судя по его мрачному выражению лица, он понял, что недооценил меня. Моя улыбка стала шире, пока он не сказал:

- Но леди Сарнай ненавидит желтый.

И с этими словами мастер Иньди ушел.

Его колкость попала в яблочко, моя уверенность пошатнулась.

- Он просто завидует, - утешил меня Норбу. - Она потрясающая. И наверняка выиграет.

Я немного прониклась к нему добротой.

- Надеюсь.

Я плюхнулась на стул, чувствуя себя полностью истощенной. У меня едва была минута на отдых, прежде чем прозвучал гонг и раздался голос Лорсы:

- Ее высочество леди Сарнай!

Я быстро вскочила на ноги, произнося с остальными портными:

– Доброе утро, леди Сарнай!

Дочь шаньсэня вошла в зал в сопровождении слуг и стражей. Ее было не узнать. Девушка, за которой я подглядывала прошлым вечером, была воительницей, презиравшей порядки Летнего дворца – тысячи слуг, позолоченные ворота, правила и этикет.

Сегодня же она выглядела как принцесса. На запястьях и в ушах сверкали рубины и изумруды, с головного украшения свисали нити с жемчугом, ее корона была изготовлена в виде феникса и инкрустирована золотыми драконами, цветами из драгоценностей и синими перьями зимородка. Похоже, император – или служанки леди Сарнай – победил в битве за гардероб.

– Доброе утро, портные, – сказала она мягким, но не ласковым голосом. – Вас собрали здесь, чтобы показать мне, что могут предложить лучшие портные Аланди. Предупреждаю, меня трудно впечатлить. Я выросла отнюдь не в шелках и никогда не ценила наряд за его красоту или изящество. Тем не менее я жду, что новый императорский портной изменит мое мнение.

– Да, ваше высочество, – ответили все портные, склонив головы. – Благодарим за эту возможность, ваше высочество.

Из-за спины леди Сарнай вышел высокий юноша и скользнул между столами Норбу и Иньди, чтобы осмотреть наши рабочие места. Остальные портные принесли на демонстрацию лучшие примеры своих творений: парчовые сумки с золотыми кисточками, расшитые пионами и хризантемами воротники, ленточные пояса со сценами из «Семи классик», с танцующими и играющими на цитре женщинами. Мое место выглядело позорно пустым. Я покидала дом в такой спешке, что даже не подумала привезти образцы своей работы для будущей императрицы.

Кем бы ни был этот высокий юноша, у моего стола он не остановился. Вместо этого он вернулся к леди Сарнай, а она начала оценивать первого портного.

– Идея устроить состязание с шалью принадлежала не мне, – услышала я ее слова. – Пустая трата времени.

– Император Ханюцзинь заметил, что у вас нет летней одежды. Он просто беспокоится о вашем благополучии.

– Так он говорит. – Леди хмыкнула. – Ох уж эти южане со своими традициями. Столько суматохи, просто чтобы выбрать портного.

Высокий юноша дружелюбно улыбнулся.

– Со слов его величества у меня возникло впечатление, что испытание – ваша идея, ваше высочество.

Он говорил вежливо, но дерзость его слов натолкнула меня на вопрос, кто же он. Леди Сарнай не потрудилась его представить, значит, он не такой уж и важный. Тем не менее юноша ходил во всем черном, что указывало на высокое положение. Золотые эполеты, дорогие сапоги и черная накидка на одно плечо намекали, что он солдат с дальних Западных Дюн. Но большинство солдат не одевались так красиво – и роскошно.

Может, он евнух. Если так, то должен быть важной шишкой. Или, возможно, посол. Его черты лица казались немного чужестранными; у него были черные волосы, как у аландийцев, но не прямые, а вьющиеся, и, несмотря на загорелую оливковую кожу, его глаза были светлыми и блестели в лучах солнца.

Так он и поймал на себе мой взгляд. Я быстро уставилась на свои ноги, но не прежде, чем увидела, как его губы расплываются в улыбке. Он медленно исчез из моего поля зрения, двигаясь с лентой, но в то же время грациозно – скорее как кошка, чем юноша знатного происхождения.

Я решила, что он мне не нравится.

Когда я вновь подняла взгляд, леди Сарнай закончила оценивать работу мастера Дэлуня. Лорса следовал позади, подобострастно расхваливая ее вкус. Я держала голову низко опущенной и горбилась, хоть от этого и болела спина. Остальные портные замерли в той же позе, пока к их столам не подходила леди. Один за другим она решала наши судьбы.

– Я бы не позволила своей служанке использовать ее даже для чистки ночного горшка, – злобно сказала леди Сарнай о шали одного из мастеров. Ее глаза, накрашенные лазурной пудрой и подведенные углем, сузились до суровых щелочек. – Это лучшее, на что вы способны?

Затем она сказала Нампо – портному, который предлагал спор о моем отбытии:

– В этом рисунке всего четыре цвета. За кого вы меня принимаете, за деревенщину?

– Да, четыре, – ответил Нампо, заикаясь, – но таков стиль, ваше высочество. Как в каллиграфии...

– Если бы я хотела каллиграфию, то позвала бы поэтов, а не портных. – Леди Сарнай держала в руке чашку чая и попивала из нее, недовольно поджимая губы. – Мастер Нампо, вы можете идти.

К тому времени, как она подошла к моему столу, мое сердце выпрыгивало из груди.

Прошлым вечером я видела ее издалека. Мы оказались примерно одного роста и телосложения и могли бы даже сойти за сестер, если бы я не притворялась парнем, а она не была Жемчужиной Севера, единственной дочерью шаньсэня.

– Кетон Тамарин, – представилась я, низко кланяясь.

– Тамарин, – повторила леди Сарнай. – Я о вас не слышала.

Она была старше меня максимум на два года, но казалось, будто между нами пролегла разница в двадцать лет. Я не осмелилась поднять голову.

– Я из Порт-Кэмалана.

– Я не спрашивала.

Закрыв рот, я предпочла хранить молчание, когда леди Сарнай коснулась уголка моей шали и подняла ее для изучения. На это ушло немного больше времени,

чем в случае с остальными портными. Ну, или же так казалось.

Я пыталась не пялиться на нее, пока ждала, но, кинув мельком взгляд, увидела, что на ее лице было слишком много пудры, особенно вокруг красноватых и припухших глаз.

Она что, плакала прошлой ночью?

Я бы тоже чувствовала себя несчастной, если бы отец продал меня ради удачного замужества. Но брак с императором Ханюцзинем... неужели это так ужасно?

«У тебя просто разыгралось воображение, Майя, – отчитала я себя. – Что ты знаешь о леди Сарнай?»

– Необыкновенный рисунок, – наконец сказала она. – Ваше искусство заслуживает похвалы, мастер Тамарин. Никогда не видела столь красивой работы...

Я затаила дыхание, ожидая, когда она объявит о моей победе перед всеми портными, которые дурно обо мне отзывались. Я ничем не хуже их. Нет, даже лучше.

Отец будет мною гордиться.

Леди Сарнай скривила губы.

– ...но я просто ненавижу желтый.

Я часто заморгала, думая, что ослышалась.

– На этом все, – сказала леди, прежде чем пойти дальше. Министр Лорса шмыгнул, глядя на меня, – верный знак, что пора собирать вещи домой.

В горле появился комок, руки задрожали. «Нет, нет, нет. Я не могу вернуться! Не могу подвести отца. Наша лавочка не переживет еще одну зиму, если я не выиграю или не выйду замуж за Цалу».

Я так расстроилась, что даже не заметила высокого юношу, подошедшего к моему столу. С его уст сорвалось тихое, глубокое мычание, и я подняла взгляд.

Он оказался моложе и симпатичнее, чем я думала. Его даже можно было бы назвать красивым, если бы не что-то лукавое и озорное в выражении лица. Ему явно ломали нос; переносица была слегка искривленной, что каким-то образом лишь подчеркивало коварство в его глазах. В них выплясывал свет – так быстро, что я не могла понять их оттенки.

Он указал на мою шаль длинными тонкими пальцами.

– Это ты ее сшил?

Его внимание застало меня врасплох.

– Д-да, сэр.

Темная бровь поползла вверх.

– За одни сутки?

Я напряглась. Что-то в этом юноше – и его вопросах – заставляло меня забыть. Да и какая разница, если меня все равно отправят домой?

– Все императорские печати на месте, – дерзко ответила я. – Если хотите проверить.

На его губы вернулась загадочная улыбка.

– Нет-нет, я тебе верю.

И, заведя руки за спину, он двинулся дальше.

Я насильно вернула свое внимание к леди Сарнай, стоящей в передней части зала с раскрытым веером в ладони.

– На сегодняшний ужин с его величеством я надена шаль мастера Иньди, – объявила она.

Я сглотнула, пытаюсь скрыть разочарование. Лорса вручил Иньди алый шелковый мешочек.

– Как победитель мастер Иньди получает приз в виде пяти сотен цзеней, которые сможет использовать в следующем состязании.

«Пять сотен цзеней?» Я даже представить не могла такую сумму! Лорса продолжил:

– Еще остаются мастер Бойень, мастер Гарад, мастер Лонхай, мастер Тарахэ, мастер Норбу и... – Он помедлил, густые брови поползли вверх.

Я так сильно сжала кулаки, что ногти впились в ладони. «Пресвятая Амана, пожалуйста...»

– Кетон Тамарин.

Шумно выдохнула. «Спасибо! Спасибо!»

Леди Сарнай покачала еще одним алым шелковым мешочком.

– Сегодня мастер Тамарин занял второе место. Его шаль впечатлила меня больше всех. Подвиг, который нелегко осуществить.

Изумившись, я чуть не выронила трость, спешно ковыляя к леди Сарнай. Даже сердитые взгляды остальных портных и самодовольная ухмылка высокого юноши не могли испортить этот момент.

– Благодарю, ваше высочество, – выдохнула я. – Спасибо.

Она уронила мешочек в мою ладонь и отмахнулась.

– В следующий раз я не буду столь щедрой. В каждом новом состязании будет один победитель, пока не останется только один портной. – Леди Сарнай показала на меня и Иньди. – Но теперь вы знаете, кого вам нужно одолеть.

С этими словами она развернулась на пятках и ушла, высокий худой юноша последовал за ней, держась на расстоянии всего в пару шагов.

– Ваше следующее задание объявят завтра утром, – сказал министр Лорса. – Оно будет сложнее предыдущего, поэтому предлагаю не слишком предаваться пьянству этим вечером, – перевел взгляд на меня. – И не обманываться, думая, что теперь вы в безопасности.

Моя улыбка угасла наряду с радостью от победы.

Я выиграла не благодаря своему мастерству в пошиве одежды. А потому, что использовала волшебные ножницы.

Если бы не они, меня бы отправили домой – потому что кто-то испортил мою шаль, потому что я не могла доделать ее вовремя, потому что не знала, что леди Сарнай ненавидит желтый цвет. Только магия могла восстановить шаль и сделать ее достаточно необычной, чтобы впечатлить ее высочество.

Магия реальна. Даже очень. И понимание, что я каким-то образом ее использовала, вызвало у меня потрясающее чувство восторга – и страха.

Глава 6

Когда выбывшие из состязания портные ушли, я села на стул и прижала руки к груди.

В укрытии деревянной ширмы моя маска уверенности полностью спала. Те волшебные ножницы превратили испорченную шаль в один из самых выдающихся предметов гардероба, который я когда-либо шила.

Развязав узелок, я сложила шаль и положила ее поверх отцовских ножниц. Они казались самыми обыкновенными, лезвия так затупились, что даже не блестели в солнечном свете. Я всмотрелась в них, изумляясь силе соблазна вновь ими воспользоваться и увидеть, на что еще они способны.

Но затем связала узелок и пнула его под стол.

Еще два дня назад я не верила в магию и никогда ее не видела. А теперь жаждала вновь найти применение этим заколдованным ножницам.

С их помощью победить в испытании не составит труда.

Разве я не должна радоваться? Мне удалось выиграть пятьсот цзеней и доказать свое мастерство другим портным.

«Нет. Ничего ты не доказала». Я сглотнула. Теперь, когда за моей душой была одна победа, остальные будут пристально за мной наблюдать. Если кто-то узнает, что я прибегла к волшебным ножницам, то расскажет министру Лорсе. Тогда начнется расследование, и они раскроют, что я... девушка.

«Больше не буду их использовать, – решила я. – Только в случае крайней необходимости».

– Поздравляю, – сказал Лонхай, заглядывая за мою ширму. – В чем дело? Ты не выглядишь особо счастливым из-за своей победы.

– Да нет, я рад, – ответила я, выдавив улыбку. Затем прочистила горло, пальцы нервно забарабанили по бедру, пока я не сложила руки вместе. – Очень рад, – повторила я, – но меня чуть не отправили домой. Я понятия не имел, что леди Сарнай ненавидит желтый.

– Любой другой попросту бы радовался, что выиграл, – сказал Лонхай, посмеиваясь из-за моего горестного выражения лица. – Но я понимаю, – прошептал он. – Иньди подкупил служанок в обмен на информацию. Так он и узнал о цвете.

Мне стало до боли очевидно, что знания о предпочтениях леди Сарнай очень важны для победы в испытании.

– У меня нет денег для подкупа.

Лонхай расхохотался.

– У тебя есть пять сотен цзеней! Кроме того, тебе это без надобности, учитывая, как ты шьешь.

Его похвала вызвала острый укол вины.

– Но следи за тем, что говоришь, – продолжил он. – Те шестеро, кто отправился домой, вчера дурно отзывались о леди Сарнай. Сомневаюсь, что это просто совпадение.

– Спасибо за предупреждение.

Значит, у леди Сарнай были глаза и уши в зале.

У меня заурчало в животе, и, когда мастер Лонхай вернулся к своему столу, я потянулась к миске с кашей. Та уже остыла и привлекла стаю мух, но я все равно ее съела.

По залу прошла одна из служанок с кухни, чтобы собрать миски и чашки. Она была немного пухлой в талии, с юным лицом и дружелюбными глазами – такими же круглыми, как два кольца, в которые она скрутила свои косы на затылке.

Девушка поставила мою чашку поверх башенки из посуды на подносе.

– Мы на всех сделали ставки. Я поставила на тебя.

– На меня? – Я оторвалась от блокнота. – Почему?

– Ты молодой и... и... похож на талантливую. – Она покраснела, и мои брови недоуменно свелись к переносице. Прежде чем я успела спросить, что она имеет

в виду, служанка добавила: – Я не ошиблась. Твоя шаль вышла просто великолепной.

– Спасибо, – произнесла я более резко, чем планировала. – Сомневаюсь, что мне так повезет в следующий раз.

– Вкусы леди Сарнай меняются чаще, чем направление ветра, – ответила девушка, – или так говорят ее слуги. – Она наклонилась ближе, прошептала: – Но я все равно думаю, что ты победишь.

Я часто заморгала, польщенная ее искренностью. Давно уже у меня не было друзей моего возраста.

– Это очень мило с твоей стороны.

– Меня зовут Амми. Я и сама немного шью, но моя вышивка всегда выглядела неумело. – Она застенчиво коснулась моего плеча. – Я была бы рада как-нибудь показать ее тебе... может, ты сможешь мне усовершенствоваться.

– Э-э, – ее близость заставляла меня нервничать. Я максимально тактично отодвинулась. – Я бы с удовольствием, но буду занят испытанием.

Амми улыбнулась.

– Если проголодаешься, заходи на кухню. Порой нас навещает сам лорд-чародей. Вечно суется в поисках трав и специй. Обычно дорогих.

Я заинтересованно наклонила голову.

– Чтобы варить зелья?

– Нет, – посмеялась она. – Чтобы перебить запах благовоний. Его покои находятся неподалеку от главного дворцового храма. Он говорит, что от него воняет пеплом и дымом.

Я вскинула бровь.

- Любопытно. Что ж, я не желаю знакомиться с лордом-чародеем.

- Ты уже с ним знаком. Он повсюду сопровождает леди Сарнай.

Я застыла. Тот высокий юноша – лорд-чародей? Он выглядел таким молодым. Трудно представить, что ему сотня лет – или даже больше, если верить слухам.

- Он рассказывает самые невероятные истории и кокетничает со всеми служанками. Но с тех пор, как прибыла леди Сарнай, он перестал так часто заглядывать к нам на кухню.

Я нахмурилась.

- Он вправду колдует?

- Да, – ответила Амми. – Он может превратить рисовое зерно в кастрюлю с кашей, а кость – в жареного цыпленка. – Ее теплые глаза заблестели. – Или даже вырастить из саженца дерево.

- Ты сама это видела?

- Нет, но слышала. Лорд-чародей годами отсутствовал во время войны и теперь редко демонстрирует свою магию.

- Почему?

Она понизила голос.

- Дочь шаньсэня считает, что колдовство исходит от демонов.

Я ощутила укол страха. Теперь мне определенно нельзя использовать ножницы: я не могла рисковать своим разоблачением и не хотела оскорбить леди Сарнай.

- А что ты думаешь о магии? – спросила Амми, подаваясь ко мне. Она никоим образом не торопилась собирать мою грязную посуду.

Что-то щелкнуло в голове, и меня наконец осенило, почему служанка так странно себя вела. Она флиртовала со мной!

Моя рука поднялась к воротнику, внезапно сдавившему горло.

- Я... стараюсь не задумываться о ней.

- Что-то ты покраснелся, мастер Тамарин, - хихикнула девушка. Наконец она взяла поднос и повернулась к выходу. - Если тебе что-нибудь понадобится, обязательно найди меня на кухне.

После того как она ушла, к моему столу подошли Лонхай с Норбу.

- Похоже, ты завел себе поклонницу. Она довольно прямолинейная. Что ж, полагаю, у них нет иного выбора.

- Что вы имеете в виду?

Лонхай потряс флягу и скривился. Та оказалась пуста.

- Жизнь на кухне нелегкая, - со вздохом ответил он. - Стать женой портного куда лучше, чем работать на поваров.

- Ты молод, - добавил Норбу. - Наслаждайся жизнью.

Я мрачно на него посмотрела.

- Я здесь, чтобы шить, а не искать... жену.

- Тогда найди друзей, - поощрил меня Лонхай. - Тут мало мастеров твоего возраста. Тебе стоит поближе познакомиться с дворцовой прислугой, они моложе. Да и стражи наверняка будут рады послушать твои истории с войны.

Я стиснула зубы. У меня не было никаких историй с войны.

– Благодарю за совет, мастер Лонхай, но сейчас я предпочитаю собственную компанию.

– Жаль, – ответил он. – У нас весь день свободный, и Норбу пригласил всех на обед в Ниянь.

– Я угощаю, – заманчиво произнес тот. Норбу явно был в хорошем расположении духа. Полагаю, мне стоило последовать его примеру, раз я выиграла в состязании. И, если быть откровенной, мысль о горячей миске лапши вновь вызвала урчание в моем животе.

Я потянулась за тростью.

– Ладно.

– Чудесно! – воскликнул Норбу. – После мы пойдем в баню. Кетон, я хочу узнать секрет твоей удивительной вышивки.

Мне с трудом удалось подавить крик.

– Вообще-то... – начала я. В груди заколотилось сердце, напоминая, почему я не могу пойти с пятью мужчинами в общественную баню. – Вообще-то, я не могу пойти сегодня в Ниянь. У меня... у меня побаливает нога. И... все эти... все эти ступеньки.

– Уверен? – спросил портной. – Ты должен отпраздновать свою победу! Целебная вода пойдет тебе на пользу. Расслабит твои усталые пальцы.

– Уверен, – твердо ответила я. – Хорошо вам провести время.

Норбу с силой хлопнул меня по плечу.

– Как знаешь, юный Тамарин. Нам будет тебя не хватать.

Я выдавила улыбку и помахала рукой.

– Развлекайтесь.

При их уходе мое сердце начало успокаиваться. Теперь у меня был целый день, чтобы обдумать, как остаться в состязании без использования ножниц и узнать больше о леди Сарнай.

В конечном итоге я решила, что воспользуюсь приглашением Амми и посету кухню. Одна из служанок должна что-то знать о леди Сарнай.

По пути туда я прошла мимо двора с цветущими магнолиями и персиками, окружавшими пруд с карпами, сомами и лягушками, которые прыгали с кувшинки на кувшинку.

До чего он понравился бы отцу и братьям! В нашем саду в Гансуне тоже был небольшой прудик – мы с Сэндо каждое утро кормили рыбу, а Финлей с Кетоном соревновались, кто поймает больше карпов голыми руками, кидая их обратно в воду прежде, чем увидит отец.

Воспоминание вызвало у меня улыбку. Я присела у пруда и окунула пальцы в воду. Ко мне подплыл усатый сом, чтобы пощипать мои пальцы, отчего мне стало щекотно и смешно. Что сейчас делал отец? А Кетон?

Как же я скучала по своему домику у моря.

Вздохнув, я встала и вытерла ладонь о тунику. Внезапно заметила в противоположной стороне пруда высокого и худого юношу – лорда-чародея, – наблюдающего за мной. Наши взгляды встретились, и, к моему превеликому облегчению, он отвернулся.

Впереди простиралась сверкающая золотая тропа, по которой мог ходить только император Ханюцзинь. Ее усыпали розовые лепестки персика, а значит, он недавно здесь был.

Я осторожно ее обошла, направляясь в сторону кухни. Но затем подняла голову – там, позади магнолии, стоял император!

Увидев его, я чуть не рухнула на колени, как меня учили в детстве. Но поскольку он меня не заметил, я спряталась за пышным кустом, чтобы тайком понаблюдать за своим сувереном.

Он был высоким и величественным – вполне вероятно, что это самый привлекательный мужчина, которого я когда-либо видела. Его волосы, примятые золотым обручем с рубинами и жемчугом, блестели, как черный лак, а глаза излучали летнюю теплоту. Тем не менее, хоть он и обладал грацией и достоинством короля, сильные покатые плечи намекали на грозного воина.

Все рассказы о нем были правдой, и я осознала горько-сладкую глупость своей давней просьбы нарисовать его портрет, обращенной к братьям. Ни один рисунок не смог бы показать его надлежащим образом. Даже лучи солнца будто падали на него иначе, из-за чего он сиял, как бог с небес.

Мой пульс участился, и я сделала шаг вперед. Что-то странное и прекрасное влекло меня к императору – мое тело источало жар и удовольствие, которые казались не до конца естественными. Я была так им очарована, что даже не обратила внимания на его одежду – или на темную тень, нависшую позади меня...

– Пялиться на императора – тяжкое преступление.

Я оцепенела, узнав голос. Затем с горящими щеками оторвала взгляд от императора Ханюцзиня и повернулась к лорду-чародею.

Он последовал за мной от пруда. Его рукава были аккуратно закатаны, открывая длинные изящные пальцы. В отличие от императора с его мягкой грацией, он весь будто состоял из углов и теней, края халата облегли худой торс. По крайней мере, на сей раз в его глазах не плясали блики, и мне удалось рассмотреть их ярко-голубой, как сердце пламени, цвет. Обычно мне нравился синий и все его оттенки – но не в этом случае.

– Закрой рот, ситара, – усмехнулся он. – Выглядишь так, будто тебя сейчас отправят на заклятие.

«Ситара?» Я тут же опомнилась и сделала шаг назад. Не знаю, как нужно себя вести в присутствии лорда-чародея, но я не собиралась ему кланяться после

того, как он назвал меня ягненком.

– Ты тот портной с девушкой на шали. – Он повернул ко мне голову, вытянутое лицо расплылось в улыбке. – Тебе очень повезло, что ты победил.

Мне не нравилось, как он на меня смотрел – будто знал мой секрет.

«Тогда веди себя так, будто у тебя нет секретов», – напомнила я себе.

– Везение не имеет к этому никакого отношения, – беспечно заявила я. – Моя шаль была необыкновенной – леди Сарнай сама так сказала.

– Так и есть, – согласился лорд-чародей. Его руки яростно жестикулировали при разговоре – привычка, которую моя мать всегда считала неприличной. – Даже слишком необыкновенной... по крайней мере, для первого состязания. Леди Сарнай не нужно испытание с очевидным победителем. Она хочет растянуть процесс – подсказка тебе на будущее. Теперь все знают, что тебя следует остерегаться. Почему еще, по-твоему, она выделила вас с Иньди как портных, которых нужно одолеть? Леди Сарнай умнее, чем ты думаешь. Она создает тебе врагов.

Мои челюсти напряглись.

– И почему вы мне это говорите?

Он пожал плечами.

– После окончания войны жизнь во дворце кажется скучной. Мне нужно чем-то себя занять, и ты достаточно меня заинтриговал, чтобы протянуть руку помощи.

– Мне не нужна помощь, – ответила я с закипающим внутри гневом. – Для вас война – это развлечение, не так ли? Если бы не вы со своей войной, мои братья... я! Я мог бы ходить без трости.

Я умчалась прочь, спотыкаясь в своей спешке.

Забыв о плане посетить кухню, вернулась в свою комнату и кинула узелок на кровать, решив ушить штаны и рубашку, чтобы не выглядеть как деревенщина. На подушку выпали волшебные ножницы.

На сей раз не было ни гула, ни свечения.

Наверняка они могли бы скроить мне наряд, достойный принца, но я отмахнулась от соблазна воспользоваться ими.

Спрятала ножницы под матрас и принялась подшивать штаны обычным способом.

С наступлением вечера на фоне облаков возник черный ястреб с золотым кольцом, блестящим над когтями. Его желтые глаза – яркие, как луна, – будто бы наблюдали за мной.

Я задвинула шторы.

Глава 7

Хорошо, что я отказалась идти с Норбу и остальными. После бани они направились в местный бар, где мастер Тарахэ и мастер Гарад напились до беспамятства. Теперь они целый день страдали от тошноты. Даже со своего места я чувствовала запах рвоты.

– Слишком много медовухи и креветок в чесночном масле, – сказал Норбу, хлопая мастера Гарада по спине. Портной выглядел так, будто его сейчас опять стошнит.

Норбу улыбнулся мне.

– Ты пропустил веселый вечер, юный Тамарин. Мы устроили соревнование, кто больше съест и выпьет. Тарахэ и Гарад, обжоры эдакие, победили. Или проиграли, судя по их нынешнему состоянию.

Я выдавила улыбку, но невольно задумалась, не было ли спланировано это соревнование, чтобы Гарад и Тарахэ не смогли сегодня работать?

«Перестань быть такой недоверчивой, Майя».

Что ж, на то были свои причины. Я не хотела ни с кем сближаться. И не могла позволить, чтобы кто-то узнал, что я Майя, а не Кетон.

Остальным портным было нечего терять в этом испытании.

Я же могла потерять все.

– Для следующего состязания, – объявил министр Лорса, – его величество потребовал сшить туфельки для леди Сарнай. На каждом из столов вы найдете корзинку с кожей, тканью, волокном и атласом. Чтобы увидеть ваше мастерство, все цветные нити были убраны из ящичков и заменены белыми. Если хотите добавить красок, придется сделать их самим. На задание вам дается три дня.

Я уже оказалась в невыгодном положении. Никогда раньше не шила туфли, поэтому быстро просчитала, что нужно сделать. На покраску нитей уйдет минимум день, и я едва ли привезла с собой достаточно цветов, чтобы расшить туфельки, достойные будущей императрицы.

«Ты запомнила разницу между семьюдесятью стежками, когда тебе было двенадцать, – мысленно сказала я себе. – Ты разберешься, как сделать достойные туфли. И без помощи этих ножниц».

Если быть полностью откровенной с самой собой, у меня прямо руки чесались, так хотелось испробовать их еще раз. Мне и без того было трудно спать с ними под матрасом, ожидая, что в любой момент они начнут гудеть и сиять.

И меня не покидал один вопрос: могу ли я выиграть без них?

Во всяком случае, у меня было одно преимущество: моя нога больше совпадала по размеру с ногой леди Сарнай, чем любого другого портного. Я буду сама себе моделью.

Я провела мелком по отрезку кожи, обводя ступню, затем выгнутые части, которые покроют пальцы и пятку. Когда образцы были готовы, дважды скопировала их на рулон атласа: один для подкладки, другой для вышивки.

Пронзительные крики Иньди затихли, смех Лонхая не раздавался как минимум час. Я встала, глядя в зарешеченные окна зала. Остальные портные уже вышли в сад, чтобы собрать материал для покраски нитей. Пора было последовать их примеру.

И я в точности знала, куда идти.

Прихватив трость, быстро вышла из зала. Несмотря на раннее время, небо было темным, его застилали серые тучи. Я проковыляла во двор, идя на запах с кухни.

Внутри царила духота, одновременно горела по меньшей мере дюжина печей, вокруг кричала и суетилась сотня поваров и слуг. С моих висков стекали капельки пота, в нос ударили новые запахи. С потолка свисали утки и курицы, на стеллажах сушилась засоленная рыба.

– Я ищу Амми, – сказала я повару, который жарил тесто и приправлял его тмином. От аромата у меня потекли слюнки, рукава забрызгало трещащим и лопающимся маслом.

Когда он меня проигнорировал, я прошла дальше на кухню, минуя поваров. Повсюду бегали служанки с подносами и тарелками, но Амми среди них не было.

После десяти минут тщетных поисков я заметила кладовку с чаем. Там и пряталась девушка, заваривая чайные листья в кипяченой воде с сухой коркой апельсина.

– Мастер Тамарин! – воскликнула она.

– Прости, что побеспокоил, – начала я. – Хотел спросить, можешь ли ты мне кое в чем помочь.

Она сдула прядь с лица.

- Попытаюсь. Что тебе нужно?

- Специи. Для красок.

Она вытерла руки о передник.

- Специи дорогие.

- Ягоды тоже подойдут. Корни, кора, грибы. Все, что не жалко.

- Что ж, раз уж ты делаешь туфельки для леди Сарнай...

- Откуда ты знаешь?

Она улыбнулась.

- Слухи быстро расходятся, особенно на кухне.

- Что ты можешь рассказать мне о леди Сарнай? - спросила я.

- Особо ничего. Ей невозможно угодить. Служанки жалуются, что она любит их мучить.

Этого я и боялась. По крайней мере, леди была последовательна в том, что мучила всех.

Амми повела меня к полкам со специями.

- Я отвлеку повара, ответственного за приправы, - сказала она. - Поспеши.

Когда девушка подала сигнал, я скользнула в кладовую. Там хранилось целое состояние в виде специй. Корица, черный перец, имбирь, мускатный орех, кассия и разновидности приправ, о которых я даже не слышала. Сафлор, шафран, кардамон. Цвета были яркими, но не теми, которые я искала.

Снаружи послышался смех Амми и стук по двери.

Нужно было торопиться.

Я произвольно выбрала баночку с полки, молясь, чтобы внутри не оказался снова перец. Нет, чили. Дальше – куркума. Затем женьшень, лакрица, фенхель. Время поджимало.

Я потянулась за следующей банкой, стоящей в дальнем углу. Как только открыла ее, поблагодарила всех богов за удачу.

Сушеные цветы клитории. Повара использовали их в десертах из клейкого риса, чтобы окрасить его в насыщенный синий цвет.

Я высыпала щедрую горсть засушенных цветов в карман и, вырвав листки бумаги из блокнота, завернула пару щепоток шафрана, фенхеля и щавеля – все желтые краски. Даже если леди Сарнай не любит этот цвет, мне он нравился. Нравилось, как он окрашивал пальцы солнечным сиянием и делал ярче все остальные краски.

Каким-то образом Амми организовала, чтобы меня окружило трио служанок, как только я выскользнула за дверь.

– Амми так повезло служить портным.

– Ты вернешься позже, чтобы показать нам шаль победителя?

– Амми сказала, что ты выиграешь в состязании.

– Надеюсь, – посмеялась я с ними, идя к выходу.

Амми подмигнула мне, и впервые за много дней я искренне улыбнулась, произнося одними губами: «Спасибо», после чего вернулась в Зал Высшего Прилежания.

...

– Где ты был? – требовательно спросил Иньди, когда я возвратилась с кухни.

Внезапно я обрадовалась, что специи надежно спрятаны в кармане.

- Решил прогуляться.

Мастер принялся, сморщив свой широкий нос.

- Чувствую запах приправ.

Я пожала плечами.

- Одна из служанок решила меня угостить.

Иньди перекрыл мне дорогу к столу. Затем намотал бороду на пальцы.

- Ты удивляешь меня, юный Тamarin. Возможно, в тебе действительно кроется какой-то талант.

- Спасибо, - пробормотала я, пытаюсь обойти его, но он все так же не давал мне проходу.

- Тем не менее такой парень, как ты, должен заплатить взнос, прежде чем стать портным его императорского величества, - продолжил Иньди. - Не знаю, где ты научился так шить, но тебе не отобрать у меня должность. Я лучший портной в Аланди, все это знают. И предупреждаю - не мешайся у меня под ногами. Иначе пожалеешь.

К этому времени я уже убедилась, что это Иньди испортил мою шаль.

- Я здесь, чтобы служить императору, а не играть в ваши игры.

- Будь посему, - ответил он. - Но не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Уходя, портной задул мои свечи, оставляя рабочее место в темноте.

- Постарайся не поджечь свою работу, - крикнул он мне в спину, посмеиваясь.

Я снова зажгла свечи. С собой у меня были киноварные и изумрудные краски для окрашивания нитей, поэтому их я приготовила первым делом. Затем высыпала цветы и специи с кухни в баночки; понадобится несколько часов, прежде чем они будут готовы к использованию.

Далее погладила атлас, представляя свой рисунок на пока еще пустом холсте: горный пейзаж, который напечалит леди Сарнай о доме – он должен поражать, поэтому стежки будут маленькими, чтобы продемонстрировать мое внимание к деталям и мастерство в сложной вышивке.

Пальцы взялись за работу. Я начала с цветов: всегда вышивала простую основу, после чего заполняла лепестки, стебель и листья. На это ушла всего пара минут, но нужно было вышить еще десятки таких. Дальше я займусь контурной вышивкой гор, вырисовывая нитью длинные рваные линии, чтобы очертить их.

Работа заняла всю ночь. От миниатюрной святыни мастера Иньди исходил мощный запах благовоний, и мои веки отяжелели. Я ущипнула себя за щеки, чтобы проснуться.

Игла вонзалась и выскользывала из атласа. Три стежка за один удар сердца. Вниз и вверх.

Когда рассвет был уже близко, я размяла руки и спину, которая начала болеть от стольких часов в сгорбленном положении. Встав, увидела базовую форму для туфельки на столе Норбу, но он еще не начал ее шить. Возможно, у него имелся опыт с обувными изделиями, но мне все равно показалось дерзким с его стороны пропускать рабочее время.

Когда наконец в передней части зала прозвучал гонг, мои пальцы истерлись от труда.

– Внимание! – крикнул Лорса. – Немедленно прекратите работу.

Уже наступило утро? Через открытые окна лился солнечный свет, но я едва замечала. Я потерла глаза и повернулась к министру Лорсе.

К моему удивлению, его сопровождала леди Сарнай, ее лицо источало безразличие.

«Почему она здесь?» – задумалась я, когда все портные наряду со мной поприветствовали дочь шаньсэня.

– Я решила, что это состязание слишком простое, – объявила леди Сарнай. – Я польщена, что его императорское величество приказал вам изготовить для меня туфельки, но их у меня в достатке. Посему мне захотелось попросить о чем-то более... уникальном. Как императрица, я буду приветствовать гостей со всего мира. Аландийские туфельки почитают за их красоту и соблюдение традиции. Но в Самаране королевы носят туфли из железа, а агорийские принцессы – из золота. Я бы хотела, чтобы мои также воплощали подобную силу и мощь и в то же время радовали глаз.

В зал вошел слуга и поставил стопку синих фарфоровых тарелок. Затем еще один принес стеклянные миски, вазы и рифленые винные бокалы. Вскоре весь стол был заставлен предметами из бумаги, соломы, бронзы и даже цветов.

Мастер Тарахэ спросил то, о чем все гадали:

– Ваше высочество, обычно портной не работает с фарфором, стеклом или...

Леди Сарнай перебила его:

– Императорский портной – мастер, избранный богами. Я жду, что он сможет работать с любым материалом, хоть со стеклом, хоть с шелком. Или даже воздухом, если я попрошу. Если для вас это проблема, можете возвращаться домой.

На сим вопросы закончились.

Леди Сарнай повернулась на пятках, и министр Лорса поспешил за ней.

Как только они ушли, портные кинулись к столу. Я заковыляла так быстро, как только могла с тростью, но кто-то выбил ее у меня из ладони, и я упала на пол.

Лонхай поднял меня крепкой рукой.

- Поспешите, Тамарин, а то все разберут.

Мастер Гарад уже прихватил солому, а остальные воевали за бронзу, железо и бумагу. К тому времени, как я дошла до стола, остались только предметы из стекла и фарфора. В последнюю минуту Норбу потянулся за фарфоровыми тарелками, оставив мне лишь стекло.

Мастер Бойень заглянул за мою ширму. В его руках были орхидеи, и он уже вплетал листья и стебли в туфельки.

- О-о-о, стекло. - Мужчина цокнул языком с напускным сочувствием. - Будет сложно.

- Как-нибудь справлюсь, - процедила я.

- Жду не дождусь, когда увижу, что ты придумаешь на этот раз. Нас всех так впечатлила твоя шаль! Даже Иньди завидовал. Лучше не зли старика. Стекло легко бьется, а мы до сих пор не знаем, кто разлил чай на твою шаль, верно?

Я прожигала его взглядом, пока он не ушел.

Затем, вздохнув, выложила материал на стол. Что у меня имелось для работы? Пара стеклянных мисок и высокая узкая ваза. Резать и окрашивать стекло довольно легко. Но сделать из него туфельки?

Я вцепилась в край стула, представляя их дизайн. Но все идеи заканчивались тем, что они разобьются.

Если только... они уже не будут разбитыми.

Шестеренки в моей голове яростно закрутились, придумывая план. Я взяла широкую кисть и разукрасила вазу изнутри синей краской из цветов. Когда она подсохла, побежала на кухню и вернулась с липкой рисовой кашей, которую использую в качестве клея.

Я осторожно укрыла рабочую зону длинным куском миткаля. Затем, подняв трость, начала бить вазу снова и снова, пока на столе не заблестели, как синие бриллианты, тысячи осколков.

Один за другим приклеила их к основанию туфелек. Стекло впивалось в пальцы, проливая капельки крови, но я перевязала их миткалем и продолжила. Не остановлюсь до тех пор, пока каждый миллиметр туфелек не засверкает.

Я создам что-то потрясающее. И не нужны мне для этого никакие ножницы.

...

В утро вердикта леди Сарнай пришла к нам в сопровождении министра Лорсы и лорда-чародея. Его вид никоим образом не успокоил мои и без того разыгравшиеся нервы, но, изо всех сил его игнорируя, я продолжила перевязывать пальцы и смахивать остатки стекла со стола. Мне хотелось рухнуть на стул от усталости, но я встала перед своим рабочим местом, как остальные портные, ожидая объявления министра Лорсы.

– Для демонстрации каждый портной наденет свои туфельки и пройдет к леди Сарнай. – Он усмехнулся. – Если он не сможет сделать восьми шагов, то отправится домой.

С чувством облегчения я скользнула в стеклянные туфли. Они с легкостью наделись, да и ходить в них было не трудно. Но тут я заметила Лонхая, в смятении уставившегося на свои большие отекавшие ноги.

Старый портной всегда был ко мне добр. Не хотелось, чтобы его исключили из-за глупого задания. Делая вид, что тренируюсь ходить, я пересекла зал к своему другу.

– Встаньте на носочки, – тихо посоветовала я ему, проходя мимо. – Нужно всего несколько шагов.

Лонхай благодарно кивнул. Он не единственный, кто испытывал трудности. Вид того, как Иньди шатался в туфельках, проклиная свою «демонову удачу», чуть не вызвал у меня жалость.

Леди Сарнай, казалось, веселил всеобщий дискомфорт. Но каким-то чудом почти все смогли пройти, не испортив обувь, кроме мастера Гарада, чьи ноги были настолько широкими, что его солома распалась.

Леди Сарнай вскинула подбородок, и его вывели.

Тогда я заметила, что лорд-чародей уже не стоит рядом с ней. Он так тихо передвигался, что я не увидела, как он подошел к моему столу.

– У тебя довольно изящные ноги для парня, – сказал он, показывая на них носком начищенного черного сапога. Свет отражался от моих синих стеклянных туфелек, словно тысяча ярких звезд, мерцающих на деревянном полу.

– Ты сам их сделал?

– Да, сэр, – ответила я, не поднимая взгляд. Я знала, что если посмотрю в его светлые, постоянно меняющиеся глаза, то они пленят меня.

– Очень утонченная работа, – признал лорд-чародей. – Мало алмазов блистают так, как твои туфли, мастер Тамарин. – Он скрестил руки, барабаня длинными пальцами по локтям, и улыбнулся. – Что ж, продолжай.

Я выглянула из-за ширмы, чтобы взглянуть на работы других портных. Тарахэ прибегнул к десяткам ярких красок, чтобы вышить сотню цветов на каждой туфле. Настоящий шедевр, но... он упорно не использовал особые материалы, запрошенные леди Сарнай.

Его попросили вернуться домой.

Мастер Бойень уговорил дворцового кузнеца сплавить бронзовые кусочки в подошву, но та оказалась настолько тяжелой, что оторвалась от аккуратно переплетенных орхидей, пока он делал свои восемь шагов.

Его тоже отправили домой.

Состязание окончилось, посему я сняла туфли и положила их на стол, прикрыв расшитой атласной тканью.

Леди Сарнай выбрала именно этот момент, чтобы подойти к моему рабочему месту.

– Где ваши туфли?

Я вздрогнула и подскочила.

– Ваше высочество... вот... вот они.

Я подняла атласную ткань, ожидая, что туфли замерцают и засверкают, но тут солнце скрылось за облаком, и их сияние потускнело. Леди Сарнай фыркнула.

– Немного простовато для меня. Я разочарована, мастер Тамарин. Я возлагала на вас большие надежды после той шали.

«Нет! Заставь ее изменить свое мнение. Быстро!»

– Я... я окрасил их с помощью цветов клитории, ваше высочество, – залепетала я, – которые, как я понимаю, растут неподалеку от замка вашего отца...

– Не пытайтесь снискать мое расположение, – перебила леди Сарнай, но все же перестала постукивать своим веером по ладони. Солнце вышло из-за облака, и его лучи, отразившиеся от туфелек, заплясали на полу и ширме. Дочь шаньсэня вскинула бровь. – Из чего они сделаны?

Я взяла одну из туфелек, чтобы продемонстрировать, как она мерцает на свете.

– Из стекла.

Леди Сарнай прищурилась.

– Стекло разобьется.

Я спешно надела их, чтобы доказать обратное.

– Они...

– Парадоксальный материал, – вмешался лорд-чародей. – Хрупкий, но гибкий. Как туфли.

– Ты проникся симпатией к мальчишке, – поддразнила леди Сарнай. – Мне отправить его к тебе после отбоя?

Ничуть не смутившись, он ответил:

– Вы так заботливы, ваше высочество. Я и вправду подумывал заказать себе новую пару обуви, но, наверное, еще немного поношу старую. Не желаю ходить на иголках больше, чем приходится в вашем присутствии.

Я подавила улыбку, но леди Сарнай его слова не особо развеселили.

Она резко раскрыла веер и вернулась в переднюю часть зала.

– Мастер Норбу, мастер Лонхай и мастер Иньди остаются.

Я закусила губу, злясь на то, как при этих словах у меня скрутило желудок. Иньди усмехнулся мне, но леди Сарнай еще не закончила.

– И, – продолжила она, – я оставляю мастера Тамарина. – Меня охватило чувство благодарности и облегчения, но недолговременное. – Мастер Иньди победил во второй раз и присоединится ко мне на сегодняшнем банкете в мою честь. Остальные... больше меня не разочаровывайте.

Тут заворчал мой внутренний голос: «Тебя чуть не отправили домой. Ты могла бы победить... если бы воспользовалась ножницами».

Глава 8

Я пробыла во дворце неделю, а вне дома – почти две, и ужасно соскучилась по отцу с Кетоном. Порой, уходя из зала, я мысленно придумывала им письмо. Звучало оно глупо, но зато уменьшало муки моего одиночества.

Теперь, когда осталось лишь четверо портных, у меня появилось время написать настоящее письмо. Я сидела у пруда с карпами в окружении сливовых деревьев – это место быстро стало моим любимым во дворце, – положив на колени лист пергамента и кисть... но не знала, что писать.

Дорогие отец и... Майя!

Император пригласил двенадцать мужчин соревноваться за должность императорского портного, и вчера я создал пару туфелек – из стекла! Можете в это поверить? Но я не использовал подаренные ножницы.

Я замешкалась и закинула руку на каменный край пруда.

– Ох, папа, знал ли ты, на что они способны? Мне нужно выиграть, но что, если без них это невозможно? – Я начала заламывать руки. – Нет, нельзя так писать.

Но я не использовал подаренные ножницы. Надеюсь, денег, которые я отправил домой, хватит, чтобы продержаться до конца лета.

Кисть задрожала. Я закусила губу, читая вслух последние строки:

И, Майя, двенадцать шажков. Один за каждый день, что меня не было.

Меня испугал низкий голос:

- Ты часто общаешься сам с собой?

Я быстро спрятала письмо в карман и вскочила на ноги, чуть не упав в пруд. Даже не оборачиваясь, знала, что там стоит лорд-чародей. Его голос уже становился для меня знакомым.

- Вижу, ты пережил еще один раунд, - сказал он, когда я повернулась лицом. Юноша снова был одет в черное - прекрасный цвет, чтобы прятаться в тенях и застигать людей врасплох.

- Было бы жаль, если бы тебя отправили домой, - продолжил он. - К счастью для тебя, я решил вмешаться.

Я проглотила свой дерзкий ответ. Это правда, он действительно мне помог. Вспомнив о его титуле, я скупно поклонилась и сказала так вежливо, как только могла:

- Благодарю вас, сэра.

- Теперь ты кланяешься? - Он присмотрелся ко мне. - Полагаю, кто-то рассказал тебе, кто я. Прискорбно. Теперь ты такой же вежливый и скучный, как все остальные, и зовешь меня «сэр».

- Я не знаю, как еще к вам обращаться.

Его губы изогнулись в сухой улыбке.

- Мое полное имя слишком сложное для произношения. Можешь звать меня Эдан.

- Эдан, - повторила я. Имя звучало непривычно для языка.

Он слегка поклонился.

- Я служу лордом-чародеем его императорского величества. На Западе я известен как его блистательность; на Востоке - его светлость; а во всех других уголках мира я - его грозность.

Я резко втянула воздух. Что Сэндо говорил мне о чародеях? Все, что я помнила, – это что они служили королям по всему свету и пили кровь юных дев.

Финлей всегда фыркал в ответ на эти рассказы, но мысль о них все равно вызывала дрожь.

«Будь смелой, Майя», – напомнила я себе. Если бы Эдан хотел юную девушку, то у него вполне было из кого выбирать во дворце.

Кроме того, юноша передо мной выглядел слишком молодо, чтобы успеть осмотреть весь мир. Наверняка его хвастовство было пустой болтовней, не более.

– Я никогда о вас не слышал, – пробормотала я.

Эдан рассмеялся.

– Ты скептик. Это умно. Но странно слышать подобное от кого-то столь юного.

– Мой брат рассказывал мне сказки о магии, когда... – Я не смогла заставить себя произнести «когда он был жив». Мой голос помрачнел. – Но именно этим они и были... просто сказками.

– Аландийцы – суеверный народ. Постоянно молятся своим усопшим предкам. Если ты веришь в духов и призраков, не понимаю, в чем трудность поверить в магию.

Я верила в магию. Просто не хотела признаваться в этом ему.

– Во что я по-настоящему верю, так это в тяжелый труд и в обеспечение своей семьи.

– С этим ты хорошо справляешься, – ответил Эдан. – Я видел твою работу. Очень впечатляет. Шаль показалась мне особенно... любопытной.

И вновь это лукавое выражение лица, будто он знал мой секрет. Щеки предательски покраснели. Нет, он никак не мог знать. Я изо всех сил попыталась ответить невозмутимо:

- Что вы знаете о вышивке?

- Действительно, что я знаю? – хитро произнес лорд-чародей. – Похоже, я раскрываю в тебе худшие черты. Со всеми остальными ты ведешь себя вполне...

- Как ситара? – сухо предположила я.

Эдан рассмеялся.

- Я собирался сказать, приятно.

Как же мне хотелось, чтобы он ушел!

- Внешность обманчива.

- Лучше и не скажешь. – Он взял трость и постучал по моей ноге – той, которая якобы непоправимо сломана, – и я вскрикнула.

- Эй! – Я так разозлилась, что забыла говорить басовито, по-мужски. – Верните ее!

- Зачем? Она тебе не нужна.

Насупившись, я демонстративно начала хромать, опираясь на куст.

Эдан кинул мне трость, внимательно за мной наблюдая.

- Думаешь, я не заметил, как половину времени ты хромаешь на правую ногу, половину – на левую? Только дурак бы такое упустил из виду, но, к твоему счастью, этот дворец полон дураков.

Моя злость испарилась, сменяясь страхом.

– Пожалуйста, не...

– Но это не главный секрет, не так ли?

От моего лица отлила вся кровь. Я перестала опускать взгляд и посмотрела прямо в глаза Эдану. Теперь они были янтарными, насыщенными и яркими, как древесный сок. Они буквально впивались в меня.

– Я не знаю, что вы имеете в виду, сэр.

– Ты не Кетон Тамарин и определенно не старый Калсан Тамарин. Его два старших сына погибли в битве, но я слышал, что у него есть дочь, которая неплохо управляла лавочкой во время войны...

Мой живот скрутило.

Эдан наклонился, его голубые и холодные глаза пронзали меня. Я могла поклясться, что еще пару секунд назад они были желтыми.

– Прав ли я в своем предположении, что ты Майя Тамарин?

Мои губы приоткрылись, но Эдан прижал к ним палец прежде, чем с них успело сорваться слово.

– Хорошенько подумай, прежде чем лгать чародею, – предупредил он. – Иногда достаточно просто взглянуть в зеркало.

Эдан всучил его мне в руки и поднял к лицу.

Я прикрыла рот рукой. В отражении была я – но с длинными волосами, а позади стоял мой брат, настоящий Кетон.

– Что это за колдовство? – требовательно спросила я.

– Просто отражение истины, – ответил он. – Мы, чародеи, видим больше, чем большинство. Я знал, что ты не Кетон Тамарин. Ты та девушка с шали.

Я убрала зеркальце.

– Я пытался нарисовать леди Сарнай.

– Гм-м, – протянул Эдан, изучая меня. – Сходство малозаметное, но оно есть. Любопытно.

– Нет никакого сходства, – огрызнулась я. – Я не девушка.

Он забрал у меня зеркало.

– Я никому не скажу.

– Думаете, я вам доверяю?

– А стоило бы. – Эдан ослабил воротник. Тот был высоким и выглядел крайне неуместно в столь жаркую погоду, но лоб юноши не покрывала испарина. Я же оделась в свою самую легкую льняную рубашку и уже вспотела. – Если подумать, почему ты не можешь мне доверять?

У меня нашлась тысяча причин, так что я понятия не имела, что заставило меня выпалить:

– Мой... мой брат говорил, что чародеи пьют кровь юных девушек.

Эдан разразился смехом. Когда он взял себя в руки, то строго сказал:

– Испытание свелось к четырем портным. Если хочешь выиграть, пора немного порисоваться.

Я нахмурилась и слегка расслабилась.

– Вы говорили, что моя шаль была слишком хороша.

– Да, для первого состязания, – исправил меня он. – Это не означало, что нужно стать такой скучной ко второму.

– Я не... – Я застонала. Не было смысла объяснять, как сложно создать чудо за три дня... по крайней мере, без использования волшебных ножниц. Вместо этого я спросила: – Почему вы хотите, чтобы я выиграла?

Он загадочно улыбнулся.

– Чародей никогда не раскрывает свои замыслы. – Эдан потянулся в рукав и достал мои ножницы. – Давай просто скажем... что они бы не принадлежали обычной швее.

– Где вы их взяли? – Я встала на цыпочки, пытаюсь выхватить ножницы. – Они мои!

– Значит, в тебе все же есть какой-то огонек, – его улыбка стала шире. – И почему я должен их вернуть? Они имеют для тебя особое значение?

Мой пульс участился. Эти ножницы творили чудеса. Я не могла позволить императорскому лорду-чародею узнать еще один мой секрет, который приведет к исключению из испытания.

– Их подарил мне отец, – сказала я, по-прежнему пытаюсь их забрать.

– И в этом вся их особенность?

– Да.

Он чуть опустил руку с ножницами.

– Скажи «пожалуйста».

– Пожалуйста, – неохотно повторила я.

Эдан протянул их мне. Я выхватила ножницы и яростно спрятала их в карман.

– Из тебя никудышная врунья, Майя Тамарин. – Юноша наклонил голову. – Эти ножницы заколдованы. Любой чародей сразу же учует их магию на тебе.

– Понятия не имею, о чем вы.

Я развернулась, но Эдан перекрыл мне дорогу.

– Твои туфельки были очень хороши, но с ножницами ты смогла бы посрамить и Иньди, и Норбу, и Лонхая. – По-прежнему не давая мне пройти, он пригнулся, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. – Если думаешь, что я отправлю тебя домой из-за них, то сильно ошибаешься. Ты заинтриговала меня, мастер Тамарин. Зачарованные предметы не повинуются кому попало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/lim_elizabet/spletaya-rassvet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)